

X 2G.8
~~Р2~~ - Vix
MIS

Н.Н. МАКАРОВ

На берегах Негород

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗДНЕЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

28.01

г. Печора, типография Зак. № 1050

Р2С.8

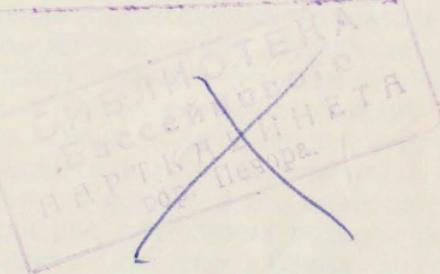
Р2
М-15-

Н. Н. МАКАРОВ

на
БЕРЕГАХ ПЕЧОРЫ

Путевые заметки

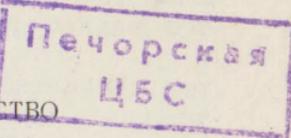
Отдел организации и
использования единого
книжного фонда
Пермской ЦБС
г. Печора, Гагарина 51

97 611

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1959

библиотека
Печорской ЦБС

Книга „На берегах Печоры“ рассказывает о путешествии по некогда „забытой“ северной реке, о пленительной красоте берегов Печоры, о бесчисленных богатствах и природе огромного края, о его недалеком будущем. Кипучая созидательная жизнь советских людей на берегах Печоры находит широкое отражение на страницах этой книги.

«ЗАБЫТАЯ РЕКА»

Все выше поднимается солнце. Все длиннее становятся дни. Утро начинается раньше, закаты наступают позднее. В воздухе сначала чувствуется лишь легкое дыхание весны. Потом весна берет свое. Людей неудержимо влечет к воздуху, к солнцу, к природе.

В один из таких ярких весенних дней пятеро студентов собрались вместе.

Впереди предстояли трехмесячные каникулы, и всем нам хотелось стать на это время путешественниками. Жили мы по соседству, учились в одном строительном институте и на одном курсе, но по-настоящему сдружились только в путешествиях. Сдружили нас общий интерес к походам, трудности и радости туризма.

За несколько лет мы исходили все окрестности Подмосковья. Совершили ряд длительных походов по Волге, Чусовой и другим рекам Советского Союза. Мы уже накопили богатый опыт туристских путешествий и не являлись новичками. Опасности и дальность расстояния не только не пугали нас, а, напротив, влекли своими трудностями и несомненной романтичностью.

Собравшись вместе, мы разложили географическую карту на полу — так удобнее — и, забыв все, углубились в ее изучение. Географические знаки звали, манили, обещали походные приключения.

Мы водили карандашом по черным извилинам рек, по коричневым пятнам гор и горячо спорили о маршруте нового похода. Споры эти начались у нас еще зимой, в то время когда мы стали собирать деньги для дальнего путешествия. Выбор маршрута явился для нас

«камнем преткновения». Каждый предложенный вариант был интересен и заманчив. Мало ли чудесных мест в нашей беспредельной стране! Жаркие дебаты заходили далеко за полночь. И мы долго бы еще спорили о том, куда поехать, если бы не лекция о Печоре в Доме ученых.

Лекция иллюстрировалась цветными диапозитивами. На экране вспыхивали одна за другой красочные картины девственного края, а лектор рассказывал:

— О красоте Печоры и ее притоков трудно говорить — их надо видеть. Надо самому почувствовать мощный поток воды, увидеть голубые туманы и алые закаты, белые северные ночи и мрачные темные тучи, обширные леса и низкое небо, чтобы оценить всю прелесть путешествия по чудесной Печоре.

Лекция решила наш маршрут. Мы ушли убежденными «печорцами».

* *
*

«Забытая река» — еще в недавнем прошлом так называли огромную, почти неведомую тогда Печору, протекающую по безлюдному северо-востоку Европейской России. Река несет свои воды через каменистые отроги Северного Урала. Она пересекает необозримые просторы тайги, широко раскинувшись на северо-востоке европейского материка, а за Полярным кругом течет по чуть всхолмленной Большеземельской тундре.

Трудно было раньше добраться до Печоры. Только предприимчивые «торговые люди» имели некоторое, порой далеко не ясное представление об ее пустынных берегах и многочисленных притоках. Существуют старинные китайские карты, на которых показаны проходы с Печоры на Обь. По этим проходам когда-то шли товары в Китай.

Новгородцы еще в 1030 году ходили через Печору на Югру. Предания говорят и о том, что в 1093 году, то есть уже в конце XI в., была проложена дорога с «Уральского камня» на Обь. В старину по рекам Усе и Печоре в Великий Новгород доставлялась пушнина Западного Урала — это был едва ли не единственный путь из Сибири. Первое летописное известие о Печоре относится к 1092 году. В нем новгородец Гюргят Рогович рассказы-

вает, что на Печору приходилось идти «...непроходимыми пропастями, снегом и лесом».

Но там торговали не только новгородцы. В начале XIV в. великий князь Московский Иван Калита посыпал на Печору своих сокольничих для ловли охотничих птиц. В конце XIV в. к жителям здешних мест за пушниной приезжали предприимчивые люди из далекого Переяславля-Залесского.

Во второй половине прошлого века с широким проектом «О заселении Севера Империи, об улучшении положения его жителей и о развитии внешней торговли» выступил сибирский промышленник М. К. Сидоров. Он представил в Тобольскую городскую думу проект развития промышленности севера Европейской России и Сибири через Печорский порт, предлагая построить промышленные предприятия в Печорском крае и соединить Печору с Обью. Однако в то время никто его не поддержал. Всякие попытки промышленного развития Печоры царскими чиновниками встречались в штыки и заранее были обречены на провал. И в книге «Урал» Ф. П. Добротова, изданной в 1917 году, утверждалось:

«Отсутствие путей сообщения — это настоящее проклятие Печорского края. Чтобы попасть сюда, например, из Москвы, нужно сделать 3856 верст, причем ехать приходится до Архангельска по железной дороге, дальше по морю на пароходе до Кuya, отсюда на речном пароходе по Печоре, а внутри края — на лодке, верхом, на телеге, пешком». Автор утверждал, что при поездке на Печору нужно предпринять такую же экспедицию, как в центр Африки во времена выдающегося английского путешественника Ливингстона. Так ли это теперь?

Разумеется, при Советской власти все изменилось. На огромном протяжении великой северной реки созданы новые промышленные центры, выросли города и крупные рабочие поселки, возникли колхозы.

Нам удалось встретиться в Министерстве речного флота с матросом, только что вернувшимся с Печоры.

Воодушевленные его моральной поддержкой, мы еще больше утвердились в своем намерении и теперь уже уверенно наносили пунктир будущего увлекательного путешествия по Печоре. Проделать путь по карте, разумеется, много легче, чем по самой реке. Собраться в далекое речное плавание — дело тоже не легкое, но, не-

смотря на это, скоро поезд мчал нас на север. Позади остались Ярославль, Котельнич, Киров, и вот мы в Перми.

Отсюда на пароходе «Красный Урал» мы тронулись вверх по Каме. Миновали старинное русское поселение на Каме — Орел. Через Орел когда-то проходил великий путь из Индии в Пермь Великую и к Белому морю. С Каспийского моря по Волге восточные купцы проходили на Каму, а потом по ее притокам добирались и до устья Северной Двины. Ермак, который шел «воевать» Сибирь исключительно «водой», тоже был когда-то здесь, в Орле.

«Малая вода» не пропустила пароход дальше. Пришлось пересесть на катер. Румяное утро поднималось над зубцами леса, когда мы подходили к устью реки Вишеры. Кама ушла влево. Значительная часть ее левых притоков — горные реки. Такой рекой является и один из крупнейших притоков Камы — Вишера. Сперва Вишера ничем почти не отличается от Камы. Берега ее укрыты таким же густым лесом. Она только немного поуже. Но скоро быстротечная река начинает петлять среди скал и обнаженных утесов, прорываясь вперед через острые, торчащие из воды каменные пороги.

Поздно вечером мы заночевали на сплоточно-формовочном рейде Рябинино. Утром тронулись в дальнейший путь и вскоре расстались с Вишерой. Катер мчал нас между низких берегов реки Колвы. По длине она мало чем уступает Вишере. Узкая река довольно глубока, и катер легко добирается до пристани Сереговой.

Еще день пути, и вот один из древнейших городов Прикамья — Чердынь, который, по преданиям, из-за войн и торговых расчетов менял свое местоположение несколько раз. С XIV по XVII в. Чердынь была княжеской столицей и именовалась «Пермь Великая».

Наш путь лежит все дальше к северу. Внезапно ударили гром. Налетела гроза, полил сильный дождь. Сразу стало холодно и неуютно. Крупные капли воды, отыскав нужную лазейку, скользили за воротник. Наконец, сквозь зыбкую сетку дождя с катера стала видна россыпь огней Ныроба.

Ныроб — центр обширного, но еще мало населенного района. Почти у каждого дома вас встречает уральская лайка, почти в каждой избе на стене прибиты глухаринные крылья — символ зрелости охотника.

За селом Петрецовым мы простились с рекой Колвой и с катером. Дальше к Печоре дорога вела лесной проsekой. Длинный и тяжелый маршрут пришлось проделать пешком, пока впереди за лесным поворотом не блеснула вода. Это были верховья Печоры — цель наших ближайших устремлений.

О ЧЕМ ГОВОРИЛА КАРТА

В костре весело трещали замыловатые речные коряги. Сизый дым слоился в воздухе и смешивался с клубами тумана. У костра сидели люди в высоких кожаных сапогах. Они оказались местными гидрологами. Гидрологи заварили чай, цветом напоминавший деготь, и пили его емкими кружками. За чаем мы быстро подружились и разговорились с седым кряжистым старики, Михеем Петровичем Тюбенковым.

— А как вы забрались сюда, в такую даль? — спросил я.

— Ногами... Теперь всех на машинах, на поездах да на самолетах возят, а мой отец шел сюда счастья искать пешком, больше года! Печора река широкая, а жизнь тогда складывалась здесь узкая. Что нашел он в Печорском крае? Лес — нерубленный, зверь — непуганный, в реке — рыба, над рекой — птица, а как шел? Шаг ступил — куст срубил, еще шаг — еще куст, сто шагов — сто кустов. А кусты и густы и толсты. Лес не пускал: «Не смей — мое царство». Зверь зубы скалил: «Уходи — мои владения».

Старик неторопливо выбил о бревно прокуренную трубку, снова заправил ее крепчайшим самосадом и, расправив седые усы, неожиданно улыбнулся.

— Сердцу радостно, как поглядишь, что в тайгу к нам теперь молодежь хлынула. Загудела тайга. Но уже не от ветра, а от машин, от людей, от их песен. Комсомольцы группами едут на Печору. Тут молодому человеку много простора для труда. Земля наша для большой жизни предназначена. Здесь огромные клады в горах спрятаны — сумей только достать! — рассказывал Тюбенков.

Ночевали в шалаше. Утром, напившись чая и досыта наевшись печорской рыбы, которой угостили нас гидрологи, мы обсудили с новыми знакомыми дальнейший

наш маршрут. Михей Петрович вытащил из сумки карту бассейна Печоры, и все погрузились в ее изучение.

По самому хребту Поясовой камень проходит шестидесятый меридиан. На Северном Урале этот хребет называют серебряным. Если встать лицом к северу, то справа от меридиана окажется Азия, слева — Европа.

Среди многочисленных вершин, образующих Поясовой камень, на карте есть мелкая надпись: «гора Печоря-толяхъ-чахль». В переводе с языка манси это значит «Вершина у начала Печоры».

Карта как бы говорила, что отсюда, с этой невысокой вершины, с высоты 677 метров над уровнем моря, берет свое начало Печора, одна из самых больших и многоводных рек европейской части СССР. Несколько крошечными, едва заметными ручейками стекает она с западного склона Уральского хребта близ $62^{\circ} 15'$ с. ш. и 59° в. д. У подножия горы Печор-я-толяхъ-чахль ручейки образуют Ключики — небольшие речки, которые питаются не только горными, но и подземными водами.

У самых Ключиков до сих пор сохранились ветхие заброшенные бараки. Здесь когда-то золотопромышленники мыли золото. Огибая вершину Костп, отсюда река устремляется на запад. Мелкие речки сливаются в одну и образуют так называемую Малую Печору. В этих местах Малая Печора — еще совсем крошечная речка, которая извивается, пенится и кипит на перекатах. Вода достигает трех метров падения на километр. Пробежав 20 километров, она оставляет справа большую гору Болван-Из, неуклонно увеличиваясь на своем дальнейшем пути к морю.

По общей длине в 1814 километров, по площади бассейна, равного 327 тысячам квадратных километров, Печора занимает шестое место среди рек европейской части Советского Союза. Средний ее годовой сток равен 120 кубическим километрам. Печора несет больше воды, чем Северная Двина или Кама, не говоря уже о Днепре, ежегодный сток которого составляет всего 52 кубических километра.

На юге бассейн Печоры граничит с рекой Вишерой, на западе — с бассейнами рек Вычегды, Мезени и Индиги. На северо-восток тянется низкий, слаженный тысячелетиями хребет Северного Урала, отделяющий Печору от бассейна Оби. Под углом к нему с левой стороны

48

52

56

60

64

**БАРЕНЦЕВО
МОРЬ**

Новая земля

**КАРСКОЕ
МОРЬ****ПЕЧОРСКОЕ
МОРЬ**

о. Колгуев

о. Амдерма

Хребет Паяхоя

Коротанка

Хальмер-Ю

Ра

Л

68

68

Индига

Великовисочное

Сула

Новый Бор

Мещанское

Цильма

Усть-Цильма

Шапкина

Росвинское

Щельябон

Мутный

Материк

Печора

Ленока

Ижма

Ижма

Печора

Наджером

Усть-Щугоро

Лемтыбон

Савинобор

Подчерье

Пашня

Ильич

Усть-Ильич

Якша

Волосница

Березовка

Колва

Бышица

Север

Добров

Песчанка

Колва

Печора

Север

подходит каменистый Тиманский кряж, протянувшийся на северо-запад. Между ними в форме треугольника с вершиной, обращенной на юг, вклинилась обширная Печорская низменность. Печора протекает по этой, образованной осадочными породами низменности, в которой преобладают суглинки, пески, песчаники, изредка встречаются и известняки. Наибольшей высоты бассейн Печоры достигает у восточной границы Уральского хребта, где он превышает 1500 метров над уровнем моря. Здесь в районе Тиманского кряжа встречаются базальты — породы вулканического происхождения.

Большая часть течения Печоры находится в пределах республики Коми. Эта республика представляет немалый интерес для любознательного туриста.

У первого поэта Коми, Ивана Куратова, есть такие строки:

С незапамятного дня
Над родной землею ночь;
Человека без огня
В ней сыскать сейчас
невмочь...

В этих строках запечатлено тяжелое прошлое трудолюбивого народа Коми, обретенного в дореволюционное время на вымирание. Сейчас только память глубоких стариков хранит воспоминание об этом далеком и безрадостном времени.

Словно шкурка пушного зверя, распласталась Коми АССР на карте нашей Родины. Хвост этой шкурки протянулся далеко за Полярный круг. На севере и западе республика граничит с Архангельской областью, на юге — с Кировской и Пермской, на востоке — с Тюменской и Свердловской областями. Республика Коми занимает огромную площадь — 404,6 тысячи квадратных километров. Население ее достигает почти 700 тысяч человек.

В прошлом столетии М. Е. Салтыков-Щедрин в «Дневнике провинциала в Петербурге» очень метко высмеял усть-сысольского купца. Он «свежею семгою и кедровой шишкой» пытался в Петербурге доказать необходимость постройки дороги в этот богатый край. А взгляните теперь на территорию «к северу от Вологды», о которой В. И. Ленин в 1921 году писал, что здесь царит патриархальщина и дикость. Теперь Коми АССР

широко расправляет свои плечи. Основную массу рабочих составляет здесь молодежь. Только за последние годы из Ярославля приехало сюда более 3000 молодых новоселов.

Какой контраст с тем, что было. На заседании Вольно-экономического общества архангельский вице-губернатор Сафонов заявлял: «Желать развития торговли, промышленности какой бы то ни было, в особенности увеличения населения, значит желать невозможного, потому что население двигается туда, где благоприятствует ему почва и климат. Но кто же пойдет на Север, в чeluсти полюса?»

Север очень привлекателен во многих отношениях. И непосредственная близость к природе, и своеобразные красоты севера, и не решенные еще научные и практические задачи, и предстоящая Северу большая будущность — все это влечет туда людей, не любящих протоптанных дорог, не боящихся трудностей и поначалу нелегкого труда.

Сравните две карты края Коми — дореволюционную и нынешнюю. Огромное белое пятно — вот что можно было увидеть на старой карте. А на нынешней пестрят названия новых городов: Воркуты, Инты, Печоры, Ухты, Сосногорска, новых поселков городского типа — Вой-Вожа, Микуния, Нижней Омры. Населенные пункты возникают там настолько быстро, что картографы не успевают наносить их на карту.

Совет народного хозяйства Коми АССР объединяет 249 предприятий. Сейчас в республике выпускается валовой продукции в 84 раза больше, чем в дореволюционном 1913 году. В 1956 году республика дала стране 15,4 миллиона тонн угля, 12,5 миллиона кубометров древесины, 1,13 миллиарда кубометров природного газа.

Разительные перемены произошли и в сельском хозяйстве. На смену сохе и небольшой коше с короткой ручкой и кривым лезвием, так называемой горбуше, пришли тракторы и комбайны, возникли крупные колхозы, в условиях суровой северной природы выращивающие обильные урожаи.

Здесь созданы филиал Академии наук, Центральная научно-исследовательская лаборатория Ухтинского комбината, Печорский филиал Всесоюзного угольного института, республиканская опытная сельскохозяйственная

станция. Народ коми обрел свою письменность только после Великого Октября, а теперь Коми АССР стала республикой сплошной грамотности. На ее территории работает 552 начальные, 151 семилетняя и 103 средние школы, в которых обучается 85 тысяч детей. В Сыктывкаре ежегодно издается на языке коми свыше 200 тысяч экземпляров книг советских и зарубежных писателей, учебников.

В 1913 году один врач — И. С. Попов — обслуживал теперешний Усть-Куломский и Помоздинский районы и весь Печорский край, хотя на этой территории можно уместить такие государства, как Англия и Австрия, вместе взятые. Теперь же во всех городах, районных центрах, рабочих поселках и крупных селах есть больницы, всюду работают врачи. В одном только Помоздинском районе больше 30 врачей. В республике открыто пять санаториев.

В ВЕРХОВЬЯХ ПЕЧОРЫ

— Счастливого пути,— пожимал всем руки на прощанье Михей Петрович.— Смотрите, не перевернитесь!

— Что вы, Михей Петрович, справимся.

— Смотрите! В верховьях место худое. Люди выросли здесь и то боятся плыть.

Один из нас уперся ногой в скользкий от ночной росы берег, столкнул лодку в воду, перевалился через борт и вскарабкался на нос.

— Поехали!

Лодка быстро двигалась вниз, гонимая и течением и всплами. Через несколько минут палатка гидрологов скрылась за поворотом реки. Мы старались расположиться поудобнее. Сумка с провизией, топорик, ружья, палатка и другое снаряжение лежали на отведенных для них местах.

Бурно кипит Печора в ущельях Урала, с трудом пробираясь между камнями, прокладывая себе путь через бесчисленные отмели и перекаты. Лодка тыкается носом в береговые отмели, пока мы не осваиваемся и не направляем ее бег по руслу. Река с шумом перекатывается через пороги. Мы проходим большой Медвежий порог, протянувшийся на целых восемь километров. Берега сближаются, и Печора несется в узкой теснине. Здесь она

становится глубже. Подхваченная быстрым течением, лодка мечется среди разбросанных там и сям камней и отмелей. Река неистово гудит на перекатах, пенится и угрожает. Наш взгляд впивается в бурлящую воду, намечает путь, оценивает опасность. Все — работа, сознание и воля — концентрируются на одной мысли: пройти там, где не рискуют плавать даже местные жители.

И в тот самый момент, когда мы считали, что все опасности позади, бурное течение неожиданно развернуло нашу легкую посудину и поставило ее сначала попереck реки, потом повернуло кормой вперед. Не успели мы и опомниться, как сильный толчок потряс наше суденышко, оно круто накренилось на бок и застыло на месте. Вода, разбиваясь о борта, с шумом мчалась мимо, но лодка не двигалась с места. Мы крепко сидели на подводной скале. Пробовали дружно раскачивать лодку, но это не помогло.

— Давай все вещи на нос, крма поднимается!

С большим трудом сняли мы, наконец, наше суденышко с рифа и поплыли дальше. Руки ныли.

Из-за поворота вновь вынырнули камни. Несколько ударов веслом направили лодку в безопасный проход. Промелькнул первый, второй, третий камень. С левой стороны надвигался четвертый. Река над ним кипит крутыми бурунами. Лодка ныряет так глубоко, что волны с обеих сторон плещут через борта.

Все так напряглись, что трещат весла. Гребем дружно. Впереди прямо перед лодкой возникает водяной вал, покрытый белой шапкой шипящей пены. Лодка стремительно взлетает вверх и зарывается носом в бурун. Со всех сторон окатывают холодные брызги, и сразу становится тихо. Мимо проносится четвертый и последний камень. У всех вырывается облегченный вздох. Теперь лодка спокойно плывет по гладкой поверхности реки, а рев порога затихает за нашей спиной. Мы с радостью думаем о том недалеком времени, когда Камско-Печорское море навсегда покроет пороги.

В верховьях Печоры, в месте впадения в нее горных рек Порожней, Шайтанки и Кедровки, в светлой, прозрачной воде расположены нерестилища семги.

Недалеко от реки Усть-Уньи, где с давних пор известны залежи бурого железняка, Печора вырывается из уральских теснин и выходит на плоскую равнину. Река

становится более спокойной, быстрота течения заметно уменьшается, и Печора превращается в довольно большую реку.

Сюда, вверх по Печоре и дальше за Урал, поднимался известный исследователь Севера, русский золотопромышленник А. М. Сибиряков, чье имя носит Краснознаменный ледокол, заслуженный ветеран советского Арктического ледокольного флота. Александр Михайлович участвовал в организации и финансировании нескольких полярных экспедиций, в том числе сквозного плавания северо-восточным проходом шведского полярного исследователя А. Норденшельда в 1878—1879 годах и экспедиции русского географа А. В. Григорьева в 1879—1880 годах, исследовавшего Северный Ледовитый океан.

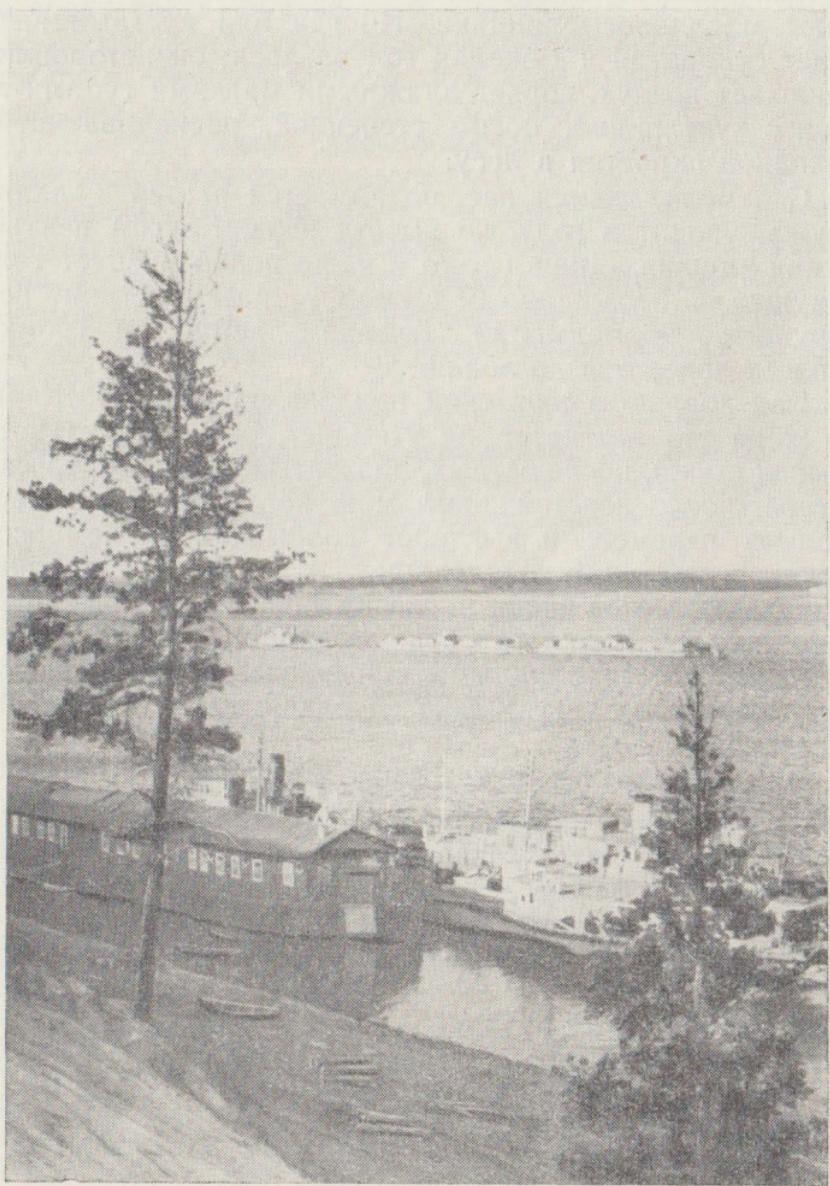
Впереди на курсе лежит затон Курья. Отсюда в высокую воду Печора становится судоходной. Минуем небольшие левые притоки — Волосницу и Безволосую, на берегах которых еще в 1844 году были обнаружены золотые россыпи. Эти реки своими верховьями близко подходят к верховьям Березовки, впадающей в Чусовское озеро, то есть в бассейн Волги. Здесь издавна образовался Печорский волок длиною в 11 километров. До революции по этому волоку велся весь грузооборот Печорского края с внутренними рынками Европейской России.

Великий преобразователь России Петр I думал о строительстве канала между Печорой и Обью. Если бы не преждевременная смерть Петра, он с присущим ему упорством, возможно, и осуществил бы свой смелый проект.

С тех пор, чтобы открыть сибирской торговле путь на север европейской части России, предлагалось несколько проектов соединения Оби с Печорой. Сенатор Корнилов в 1806 году и генерал Аносов в 1850 году предлагали соединить каналом приток Печоры — реку Усу с притоком Оби — рекой Собь. Но ни один из этих проектов не был воплощен в жизнь.

Печора плавно изгибается в неширокой лесистой пойме, стесненная с двух сторон крутыми склонами сопок. Берега ее то прячутся среди тальника, зеленой стеной наившего над водой, то тянутся песчаными косами, настолько чистыми и выглаженными, что хочется прокатиться по ним, как по льду.

Места здесь привольные. С берегов на Печору коятся медведи, стороной к старицам пробирается лиса,

На берегу Печоры

чтобы разыскать утиное гнездо или втихомолку полакомиться заснувшей кряквой. В кедровнике белки обдирают маслянистые шишки. Иногда над кустами вырастает суковатая и тяжелая голова лося; он неторопливо понюхает воздух, сорвет влажными мягкими губами листву с кустарника, потом степенной, раскачивающейся походкой скроется в лесу.

С отмели, завида нас, поднимается ястреб и, плавно кружка, уходит в голубую высоту неба. Кругом неизъяснимая тишина. Лишь где-то в чаще робко пробует голос кукушка. С неожиданным шумом у яра в быстрину реки обрушивается подмытая течением земля, и громкий всплеск доносится до лодки.

Как хорошо в июньский полдень на Печоре! Жарко, но жара эта не гнетет, не утомляет, она приятна после зимней стужи, после острых, прохватывающих апрельских ветров, после неустойчивого мая, когда за день бывает столько перемен: и выглядит солнышко, и поморосит дождь, и наступит похолодание. А сейчас в застывшем воздухе кружатся чайки и, свесив вниз головы, высматривают добычу. Низко над водой у самой лодки пролетает стрекоза, блестя длинными прозрачными крыльшками. Она хватает на лету только ей одной видимую букашку и взвивается вверх.

В 80 километрах ниже Куры мы увидели десятки белых брезентовых палаток, в которых жили участники Печорской гидрогеологической экспедиции — разведчики будущего Печорского моря. Потом показалась Якшинская пристань, расположенная на чрезвычайно удобном месте: берега здесь высокие, в полуводу они не затапливаются. С высокого яра открывается широкий вид на сверкающую гладь реки.

Якша — крупный поселок. В поселке размещается управление Печоро-Илычского заповедника. Здесь же открыта школа, торгуют магазины, работают клуб, детские ясли, больница, электростанция дает свет всему поселку.

Когда-то Якша служила отправным пунктом судоходства на всей Печоре. Отсюда весной бурлаки тянули вниз по Печоре баржи и тяжелые ладьи с товарами чердынских купцов. Купцы вели торговлю до самого Нарьян-Мара. Брали они за свои товары вдвое дороже, чем следовало, а скупали пушнину по дешевке.

Теперь от поселка Якша поддерживается нормальное судоходство. Печора спокойной голубой лентой извивается среди тайги, подошедшей вплотную к ее пологим берегам. Но нельзя доверяться зеркальной глади реки, ее глубоким заводям. Печора то и дело суживается и мчит свои воды по сплошному плитняку. Одна за другой проплывают мимо галечно-песчаные отмели — дресвы. С берегов сбегают молодые сосенки. Стройные березки, склонившись над прозрачными струями, как девушки, любуются собой. А наверху — старые сосны с раскидистой кроной. Весь берег покрыт душистыми цветами. За столь милый сердцу русский северный пейзаж мы с первых же дней нашего путешествия полюбили северную реку Печору.

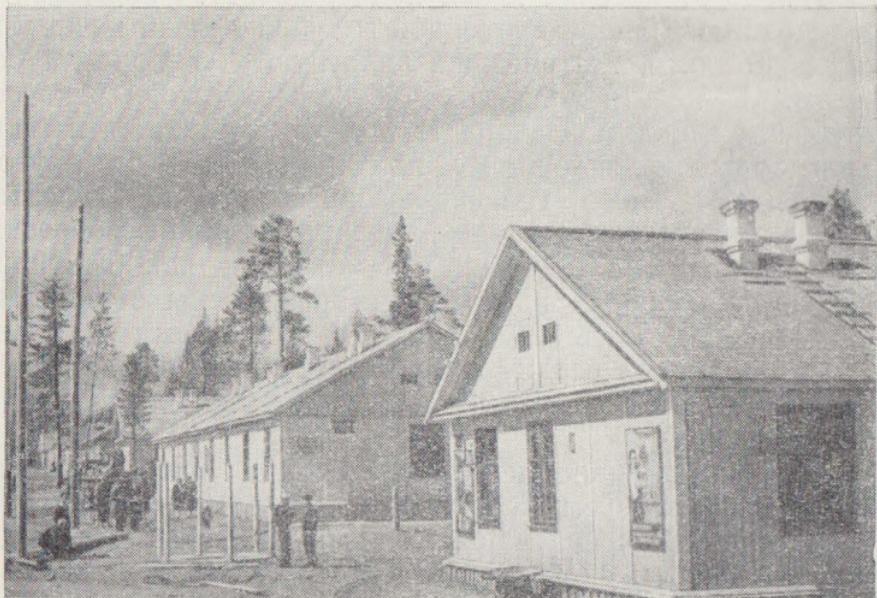
Печора отличное место для рыбной ловли и охоты. В полдень пробуем «сбегать» в лес за дичью, но нас встречают такая валежная глушь и непроходимая чаща, что мы решаем снова перейти на свой обычный рыбный рацион.

Однажды мы встретили на берегу пожилого человека с обветренным лицом, крупным носом и мохнатыми белыми бровями. Он был одет тепло, не по сезону, в отороченную серым мехом ватную телогрейку.

— Не здешние, — догадался зверовод Сергей Александрович Никитин.

От него мы узнали, что на 11 речках бассейна верхней Печоры учтено 35 бобровых поселений, в которых насчитывается 29 плотин, построенных этими трудолюбивыми зверьками. Бобры осваивают все новые и новые угодья. Плотина — сложное гидротехническое сооружение, и все же бобры только в силу природных инстинктов сооружают ее как бы играючи.

Высокие берега Печоры резко очерчены неправодоподобной синей каймой. Насколько хватает глаз, можно проследить их нетускнеющие дали. Течение реки снова становится быстрее, издалека доносится шум порога. Мы благополучно проходим первый Мамыльский порог. Впереди показывается пенная грива Большого Мамыля. Это самое опасное место на верхней Печоре. Река промыла здесь ворота в сплошном каменном массиве. Штурвальные с большой осторожностью водят суда через эти ворота и все же нередко терпят аварии. Самый опасный камень на пороге носит имя «Разбойник».

Улица в Комсомольске-на-Печоре

Лодка стремительно по бурным волнам несется через порог. Нас охватывает невольная робость перед сокрушающей силой воды. Но как только лодка выходит из кипящих бурунов, страх исчезает. Вскоре впереди, на левом берегу, показались эстакады, груды кирпича, штабели строительных материалов. С берега прямая дорога ведет в густой лес.

Неожиданно перед взором возникает поселок Джебол. С реки домики поселка выглядят очень красиво. Небольшая речка Джебол вьется по болотам. Вода в ней черная, неприглядная. По ее имени и назван небольшой поселок буровиков.

Уже известный на всю страну поселок строится главным образом молодежью. Скоро здесь вырастет город, который молодые строители уже назвали Комсомольском-на-Печоре. Это далеко вынесенный вперед аванпост добывчиков таежных кладов. Здесь будет центр эксплуатации крупного месторождения природного газа — Джебольского. Отсюда по газопроводу газ пойдет в Нижний Тагил, Свердловск, даст дешевое топливо и другим городам и промышленным центрам Урала.

В поселке уже протянулись две улицы — Комсомольская и Краснодарская.

— Почему улица названа Краснодарской? — спросили мы светловолосого паренька.

— Да потому, что первыми сюда приехали краснодарские комсомольцы, — ответил он, отмахиваясь березовой веткой от комаров.

В мае 1956 года здесь высажилось несколько десятков молодых энтузиастов — строители, буровики, геологи. Работали на дожде по 14—16 часов в сутки. Коченели руки, от усталости кружилась голова, сон слепил веки. Через двадцать дней строители уже заложили первый дом на Комсомольской улице. Этим было положено начало сооружению города — базы ухтинских разведчиков недр.

— Трудновато было новоселам на первых порах, — вспоминает тот же белобрысый паренек. — Жили в палатках, в шалаших, грелись и сушились у костров. Но люди подобрались сильные, смелые, преодолели все невзгоды, и теперь живем неплохо.

Сложная геология района, многие еще не решенные проблемы и загадки сурового края захватили и целиком заполнили теперь жизнь дружного коллектива геологов и строителей Северного Джебола. Здесь намечено воздвигнуть выше восьмидесяти каменных и брускатых домов, построить лесозавод, механические мастерские и много зданий культурно-бытового назначения.

В марте 1956 года на Джеболе с большой глубины ударил первый газовый фонтан давлением в 170 атмосфер. В одном кубическом метре газа оказалось до 350 кубических сантиметров высокооктанового бензина, выделяющегося самотеком при понижении давления до 80 атмосфер. Хороший бензин получается и из конденсатного газа. На Джебольском месторождении конденсатный газ поступает из скважины, пробуренной до карбоновых отложений. Некоторые специалисты были убеждены, что напрасно искать газ еще глубже в земной коре. Но геологи решили вскрыть девонские горизонты, имеющие в этом месте благоприятную нефтеносную структуру, и не ошиблись. На месторождении, недалеко от остатков старинных мыльвинских торговищ, заложено множество буровых скважин. Рядом с Джебольским находится и Тыбьюское месторождение газа, лежащее на берегах неболь-

шой речки Тыбью. Появились поселки Южный Джебол, Комсомольск-на-Печоре и другие.

С Джебольским и Тыбьюским месторождениями нефтяники связывают большое будущее всего Ухтинского промышленного узла. Ухтинский промышленный узел приобретает особенно важное значение в связи с выполнением директив XX съезда Коммунистической партии Советского Союза о форсировании добычи природного газа.

До Усть-Илыча Печора течет совсем еще неширокой лентой, прокладывающей себе путь среди тайги. Но вот справа, с Уральских гор, в нее устремляется бурный Илыч. Обе реки, словно сестры, слившись в один мощный поток, привольно разливаются. Леса, как бы дивясь красоте Печоры, уступают ей дорогу и отходят далеко от берегов.

РЕКА ИЛЫЧ

Илыч является одним из крупнейших притоков Печоры. По площади своего бассейна — 17 тысяч квадратных километров — он занимает четвертое, а по длине — 383 километра — третье место среди притоков Печоры. В Печору Илыч впадает на 1400-м километре от ее устья.

Вытекая из болота у подножия Тима-Изо, Илыч в своих верховьях извилист; он спокойно течет в низких топких берегах. Под самым селом Усть-Илыч река вливается в Печору более мощным потоком, чем сама Печора. Узел двух рек образует огромное зеркало, в котором опрокинулось село. Усть-Илыч — сельский центр, объединяющий несколько поселков. Территория сельсовета тянется вверх по Илычу на триста километров. Кругом лес, богатый зверем и дичью.

Тайга, простирающаяся по правобережью Печоры от Якши до Усть-Щугора, в 1934 году была превращена в горнотаежный заповедник, где, по выражению П. И. Рычкова¹, «ужас и красота смешаны без разбора».

Печоро-Илычский заповедник — это живой музей, один из самых крупных в нашей стране. Там изучается животный и растительный мир в естественных природных условиях. Заповедник занимает огромную территорию в

¹ Петр Иванович Рычков, современник М. В. Ломоносова,— выдающийся представитель экономической науки XVIII в.

93 тысячи гектаров. Помещается он между 62 и 63° с. ш. Илыч образует естественную границу заповедника на протяжении 250 километров. Здесь среди нетронутой тайги медленно текут таежные реки, речки и ручьи, раскинулись болота и топи, высятся поросшие лесом кряжи Уральских гор и их предгорий.

Работающий в заповеднике Олег Измайлович Семенов-Тян-Шанский, внук известного географа, рассказывает:

— В заповеднике встречается 25 видов промысловых зверей, 65 видов птиц. Здесь соприкасаются границы распространения лесной куницы и уральского соболя, разводится помесь соболя и лесной куницы, так называемой кидас, пасутся лоси и свободно гуляют дикие олени.

В заповеднике, кроме изучения флоры и фауны приуральских лесов, работают над проблемой превращения диких лосей в домашних животных. Ни в одной стране мира это пока не удавалось: дикие лоси никак не приживались в неволе. В Печоро-Илычском же заповеднике под руководством кандидата биологических наук Е. П. Кнорре такие опыты увенчались полным успехом. За восемь лет на лесоферме заповедника выращено стадо из 30 голов. Одомашненные лоси используются как прекрасные мясомолочные и неплохие транспортные животные.

Бобры совсем исчезли на Печоре очень давно — 130 лет назад. В 1935 году сюда из Воронежского заповедника завезли 18 речных бобров. Зверьки размножились, и теперь их здесь уже несколько сот штук. В печорских водоемах успешно размножается и ондатра. Ондатра — это большая мускусная крыса Северной Америки, заморский житель, впервые завезенный в нашу страну в 1927 году.

Немало легенд и преданий ходит об ондатре на американском континенте. Индейцы называют ее старшим и умнейшим братом бобра. В США мех ондатры играет такую же роль в пушном промысле, как у нас беличий. Шкурка ее дает прекрасную имитацию котика. На юге Аляски и Канады почти нет такого места, где не водился бы этот крупный грызун с длинным черным хвостом и блестящим мехом, под которым лежит голубоватый необыкновенно нежный подшерсток. Даже кое-где в жаркой Мексике, среди водяных зарослей, можно встретить этого неутомимого зверька, похожего на водяную крысу.

Ондратра отлично чувствует себя на новой родине, быстро размножается и уже стала доходной статьей охотничьего промысла.

В Печоро-Илычском заповеднике сохранились и некоторые редкие для лесной зоны растения и среди них папоротник вудсия.

После впадения Ильи русло Печоры расширяется до 300 метров, течение ее становится спокойным. Каменистое дно реки сменяется ложем, покрытым мелким гравием, смешанным с чистым песком. По берегу тянется чудесный лес. Он уже прогрет солнцем и насыщен живительным смолистым ароматом.

В устье небольшой речушки на узкой каменистой отмели, выходящей островком из воды, мы увидели за кустом большого старого медведя. Он сидел, застыв в напряженном ожидании, склонив голову набок и высоко подняв лапу. Мишка ловил рыбу, которой здесь было очень много. Своей когтистой лапой он старательно выхватывал из воды рыбину за рыбиной. От взмаха его лапы поднимался фонтан брызг, а крупная рыба летела по воздуху над отмелю. Увлекшийся лесной рыболов не замечал, что он сидит на острове и с самозабвением перебрасывает рыбу из воды да опять в воду.

Притаившись в прибрежных кустах, мы наблюдали за ним, ожидая, что будет дальше. Медведь, видимо, решил, что наловил рыбы уже довольно, и повернулся назад. Как был озадачен мишка, когда увидел вместо кучи пойманной рыбы одну лишь воду. Привстав на задние лапы, он оглянулся вокруг, увидел нас и рявкнул от неожиданности. Уставившись друг на друга, мы стояли, едва переводя дыхание. Наконец, медведь покрутил недовольно головой и быстро убежал в лес.

Мы продолжаем свой путь. Река бьется в низко сидящие борта. Лодка глубоко погрузилась в воду, она тяжело нагружена палаткой, прорезиненной шлюпкой, спальными мешками, продовольствием. Исходящий от нагретой солнцем лодки запах краски сливается со свежим, сильным и бодрящим запахом реки и цветущих зеленых берегов.

Печора оказалась здесь причудливой, изменчивой, щедрой на всякие неожиданности.

Когда у белой отмели мы спустили лодку на воду, Печора была гладкой, серебристо-голубой и безмятежной. На правом, луговом берегу звенели колокольцами ку-

ровы, на левом, гористом темнели ели. У самой воды тихо шелестел ракитник. Все было широко и спокойно, как на левитановских пейзажах. Мы лениво взмахивали веслами, лодка оставляла за собой длинный след.

И вдруг все преобразилось! Налетел ветер, зашумели деревья на берегу. Гладкая река потемнела, сморщилась, по воде побежали белые барашки, заходили волны. Словно пытаясь остановить лодку, волны ударяются в острый форштевень и обдают нас кипящими брызгами. Лодка закланялась, засновала, как испуганный гусь, и вышла из повиновения. Мы поставили паруса и мчимся с захватывающей дух быстротой. Белый парус на черной реке... В счастях северный ветер поет свою извечную песню. Мелькают серые избы на берегу, плоты и рыбачьи баркасы на реке. Девушки кричат нам что-то с берега, но наши уши полны свиста ветра, мы ничего не слышим, мы увлечены этой скачкой по бурным волнам и, подгоняемые попутным ветром, быстро несемся вперед. В такие минуты кажется, что сам становишься намного сильнее. Хочется броситься навстречу опасности, чтобы испытать свое мужество, силу и выдержку.

К вечеру ветер улегся, и Печора снова стала по-домашнему уютной, медлительной.

Мы выбрали место для ночлега: небольшую полянку на опушке леса. Внизу под невысоким берегом тянулась песчаная отмель, на которой утром можно будет позагореть и искупаться. Выстроившись цепочкой, «по конвейеру» разгрузили лодку и привязали ее к вбитому в землю колу. И вот уже крепко стоит на своих деревянных ногах палатка, разложены спальные мешки, горит костер и вода булькает в котелках. От реки поднимается туман. Мы в десятый раз пробуем кашу и в десятый раз нетерпеливо спрашиваем друг у друга:

— Неужели не готова? Ребята, не может быть, чтобы еще не сварилась! Вон какой огонь развели.

Подбрасываем и подбрасываем в костер сухой валежник, пока пламя не начинает плясать высоко в воздухе. Из темноты в круг света вступил человек и сказал:

— Попрошу отодвинуть костер, товарищи. Лес может воспламениться от случайной искры.

Это был высокий, широкоплечий здоровяк в выцветшей армейской гимнастерке и таких же брюках, заправленных в кирзовую сапоги. С ним была собака.

Мы послушно отодвинули костер поближе к реке. Человек сразу подобрел, присел у костра, снял фуражку, и мы увидели, что он очень устал.

— Я — лесник. Ивашкин моя фамилия, — сказал он, как бы представляясь нам.

За кашей с салом, которую Ивашкин ел с не меньшим аппетитом, чем мы, он рассказал много интересного о печорских лесах. До революции купцы безжалостно, хищнически истребляли лесные богатства. Они ставили лесопилки и заготовляли лес по берегам реки, чтобы не тратиться на транспорт. Берега лысели, опустошались. Не то теперь! Теперь созданы лесные хозяйства, лес по берегу объявлен защитной зоной, а лесоразработки отодвинуты подальше от реки и ведутся организованно.

— А леса-то здесь какие! — с восторгом говорил Ивашкин, прислушиваясь вместе с нами к таинственным лесным шорохам и бормотанию ветра, запутавшегося в густых ветвях деревьев.

Костер догорал. Столб искр от брошенных в костер дров поднялся ввысь, в раскинувшееся над Печорой торжественно тихое небо.

ЛЕСНЫЕ БОГАТСТВА

На огромной площади свыше 14 миллионов гектаров, включая Ухту, Кедву и Печоро-Илычский заповедник, раскинулись леса Печорского бассейна, необозримые таежные просторы. На Печоре много совершенно нетронутых лесных массивов, где еще и теперь не ступала нога человека.

Только запасы перестойной и спелой древесины, составляющей более 90 процентов всех лесов Печорского бассейна, определяются в полмиллиарда кубометров. Это превышает запасы древесины такой лесной страны, как Финляндия.

Основные насаждения печорских лесов еловые, они занимают 9,3 миллиона гектаров. Огромны на Печоре и сосновые леса, занимающие 3,3 миллиона гектаров. Это золотой фонд края. Свыше 200 тысяч гектаров занимает гостья из Сибири — лиственица — дерево будущего. Лиственица высоко вздымает свою могучую крону над пологом леса. Она любит глубокие, влажные, с хорошим газообменом почвы, очень светолюбива, устойчива против

морозов и засухи. Ее древесина почти так же тверда, как дуб, и тонет в воде. Паркет, сделанный из лиственицы, по своей прочности не уступает дубовому. Недаром рамы в Зимнем дворце были сделаны из лиственицы. Это дерево так смолисто, что не гниет в воде, а шпалы из лиственицы выдерживают вдвое больший срок службы, чем шпалы сосновые.

Печорские леса стали использоваться очень давно. Еще царь Иван Грозный в середине XVI в. продал в Англию крупную партию печорского корабельного леса, который там ценился очень высоко. Но особенный интерес к лесам Печоры появился в начале прошлого века. В 1840 году купец В. Латкин обращался в министерство с предложением открыть путь с моря на Печору. В награду за это он просил о бесплатном отпуске ему печорского леса. Латкину отказали. В 1862 году эксперты на Всемирной выставке в Лондоне признали печорскую лиственицу пре-восходной. Английское морское министерство закупило большую партию лиственицы для постройки первого броненосного фрегата «Каледония».

Вскоре на печорские лиственичные леса обратило внимание и голландское адмиралтейство. Только тогда, наконец, заинтересовалось ими и русское адмиралтейство. По мнению специалистов, лиственица с успехом заменила в судостроении дорогой американский тик. Первую партию печорской лиственицы М. Сидоров доставил в Кронштадт в 1867 году, а через два года лес был привезен в Кронштадт уже на нескольких пароходах.

Однако и до сих пор использована лишь незначительная часть лесных богатств Печорского края. Первые широкие экспедиционные исследования печорских лесов были проведены в 1926 году. В 1955 году предприятия комбината «Печорлес» вывезли 2 миллиона 373 тысячи кубометров древесины. В 1960 году по сравнению с 1955 годом вывозка леса увеличится почти на миллион кубометров. В перспективе развитие лесной промышленности Приполярья европейской части СССР тесно связано с созданием единой гидроэнергетической системы, с Печорским морем. На дне будущего Печорского моря будет вырублено 42 миллиона кубометров леса.

В начале июня на берегах Печоры выдаются удивительно тихие ясные дни. Теплое, но не обжигающее солнце почти до полуночи сияет на бледно-голубом небе,

лишь на два-три часа скрываясь за горизонтом. В эту пору хорошо взглянуть с высоты птичьего полета на здешний край. Зеленые леса с самолета кажутся тронутыми сединой. Это березовый сушняк пронизывает серебряными нитями бесконечные еловые массивы.

Многие представляют себе север краем непроходимых болот. С самолета хорошо видишь эти болота: бурорыжие пятна растеклись по зеленому ковру. Но рядом с болотом отливает червонной медью сосновый бор, изумрудом сверкает прибрежная лужайка, сияет обнаженный песок сухого пригорка, словно созданного для человеческого жилья. А внизу, под пригорком, прихотливой лентой извивается Печора, на которой тут и там угадываются заводи, облюбованные рыбными косяками. Опытный глаз легко обнаружит и глухаринные тока, и ягодники, и грибные места.

К нашему костру пришли двое рыбаков и бакенщик, зажигавший огни на реке. Он был уже в летах, но все еще сильный, закаленный человек. Такими остаются до глубокой старости таежные жители.

— Мир вам, добрые люди, хороша беседа! — поздравились рыбаки. Они оглядели палатку и присели у костра.

Мы угостили новых знакомых кашей. Рыбаки сбегали к реке и принесли двух больших, еще бьющихся в руках стерлядей. Скоро из котелка запахло ухой, и, несмотря на то что все уже наелись каши, вскоре от ухи ничего не осталось.

Над тайгой тихо спускалась северная ночь. Оранжевый свет костра падал на палатку, на кусты, на траву. Изредка пищали в кустах трясогузки, со свистом пролетели запоздавшие утки и шумно шлепнулись в воду. На нас глядело ясное чистое небо. Высокие стволы сосен, прячась в сером пологе, стояли стеной.

Бакенщик уехал к себе в избушку на другую сторону, рыбаки — на промысел. Ивашкин остался ночевать с нами. И мы долго еще разговаривали с ним о чудесах лесного края.

За лесом, на заревой стороне, пролегла по небу тонкая розовая полоска. С каждой минутой заря разгоралась сильнее, полоска становилась больше и шире, точно медленно раскрывался за лесом огромный цветной занавес. И как бы в глубине далекой сцены, возвещая о пред-

стоящем театральном действии, на всю округу громко прозвучали голоса журавлей на поляне, возвестившие начало нового дня.

Утренний воздух свеж. Неподвижно, словно крупные хлопья ваты, сидят на воде чайки. Поблескивают песчаные отмели. Лес начинает пробуждаться. Шмыгая по толстому валежнику, посвистывают бурундуки, порхают птицы, где-то в гуще ветвей слышится дробный стук: это на кормежку вышел дятел. Кое-где назойливо стрекочут кедровки — небольшие, темно-бурые с крупными белыми пестринками на всем теле птички.

В стороне залаяла собака. Две белки с ветвей огромной лиственицы сердито на нее цокали. Одна даже спустилась на самый нижний сучок и, как бы дразня собаку, несколько раз ударила лапкой по ветке, потом снова зацокала и стремглав перебежала выше. Появление людей не испугало белок.

— Молодняк,— ласково сказал лесник, отзывая собаку.— Вольготно им здесь, корму много.

Несколько раз на манок Ивашкина отзывались рябчики. Свист их чудесен — тончайший, как шелковая паутина, звук будто соткан из самой тишины. В нем дышит лесной покой.

Тайга для Ивашкина была открытой книгой, которую он умел хорошо читать. Он знал и любил лес, как знает и любит свое поле землепашец. Ивашкин исходил все тропы, обходы, ручейки. Он постоянно к чему-нибудь прислушивался, чем нас, неискушенных людей, немало озадачивал. Иногда он вдруг останавливался где-нибудь на косогоре, внимательно приглядывался к стройной, как свеча, лиственице, поднимал голову и, стоя у дерева, разговаривал сам с собой.

— Что и говорить, хороша ты, красавица, ровнехонька и растешь на солнцепеке, и свободы много тебе, а попортил тебя малость грибок. Ишь, как он на сучьях твоих приkleился, ровно как присосался, а под старость и совсем ты трухлявая будешь.

Нити грибка мало заметны простому глазу. Но опытный лесник определял пораженное грибком дерево даже тогда, когда на нем ни одного видимого изъяна еще не было заметно ни на стволе, ни на сучьях, ни на корнях. Ивашкин разговаривал с таким деревом как доктор. Он

подходил к такому дёреву, как доктор к постели больного. Разговаривал с ним заботливо и серьезно.

Ивашкин на корню определял твердость, гибкость, крепость и прочность любого древесного ствола. Так мы узнали, что лиственица растет в тайге вместе с сосной, но в росте опережает и сосну и ель. Мы узнали также, что у пихты смола содержится не в древесине, а в коре, смолой насыщена и ее хвоя.

В лесу стояла напряженная тишина. Ивашкин, шагавший впереди, вдруг пригнулся, припал к стволу большой сосны и замер. Потом отошел, посмотрел на макушку сосны, нахмурился и покачал головой.

— Жрут же, проклятые живодеры! — рассердился лесник.

Мы долго недоумевали, кого такими эпитетами награждал лесник, пока не выяснилось, что речь шла о непарных шелкопрядах — монашках, самых злых и опасных вредителях леса. Они по стволу дерева взбираются вверху и поедают хвою.

Ивашкин рассказывал о многих вредителях леса, подтверждая свои рассуждения живыми примерами. Когда он говорил, угрюмая тайга в его рассказах оживала. И сам он был любопытным человеком. В кармане его были запрятаны тургеневские «Записки охотника».

Как ни жалко было с ним расставаться, но пришлось трогаться дальше. Река по-прежнему бежит среди девственных, едва тронутых человеком лесов. И мы любуемся их красою. Вот смело взбежали березы на крутую гору, полонили ее, окружили со всех сторон, а дальше распадок, и там качают своими ветвями кедры, смолистым ароматом дышат молодые хвойные деревья. Однажды на берегу мы увидели сосновый пень диаметром в 40 сантиметров. Мы сосчитали кольца пня и по срезу определили годы срубленной сосны. Оказалось, что ей от роду 240 лет.

Плынут берега. На песках кое-где разбросаны золотистые бревна. У самой воды — ласковая поросль ивовых побегов. Повыше парма — возвышенная лесная грязь. Мы вспоминаем, что русский писатель П. Б. Засодимский, побывавший в семидесятых годах прошлого столетия в крае Коми, так заканчивает свою повесть «Лесное царство»: «Мрачно, угрюмо стоят зырянские леса, глухо шумят лохматые ели. О чем шумят они? Поют ли они песнь о будущих подвигах зырян, о славных деяниях в мире

умственного и нравственного развития или напевают им отходную? Кто их знает?»

Теперь мы знаем, что леса шумели о будущем расцвете края.

Ниже поселка Ляга тянется цепь островов. Некоторые из них сплошь покрыты стройным лесом, острогруды и похожи на зеленые крейсера. С песчаного острова поднимаются тяжелые гуси. Осторожные птицы не подпустили нас к себе и на винтовочный выстрел.

Иногда с ружьем мы углубляемся в тайгу, поднимая рябчиков. Эта дичь крепко вошла в наше меню. Кругом интересная жизнь. Вот бурундук, маленький, полосатый, черный с желтым зверек волочит кедровую шишку в свою нору. Вот белка мостит свое гнездо, а за ней охотится неясность. А там, в глубине леса, медведь ломится через чащу.

В глубь леса тянутся тропки. Это привычные маршруты охотников, протоптанные годами. Без тропки далеко не уйдешь: тайга едва проходима. Свернув однажды в сторону, мы увидели на луговине следы дикого оленя, услышали журчание речки, крик птиц на верхушках гигантских деревьев. Отойдя от тропинки не больше полкилометра, мы едва выбрались назад, забредя в болото. Кругом без конца и края одинаково нетронутые и лес и болота.

Мы оставляем эту живую лесную тесноту и гоним свою лодку дальше по течению реки. Изредка нам попадаются жители коми, то тянувшие лодку на бечеве, то стоя гребущие веслами.

На нашей лодке нетерпеливое оживление, когда мы встречаем стаю уток. Открываем нестройную и малоуспешную стрельбу. На глади реки рождаются тонкие круги от падающих в воду дробин.

На Печоре удивительно сочетаются темные и мрачные краски с яркими и веселыми. Светлой ночью чернеет хвойный лес, в котором разлиты белые краски березы. Рядом с темно-синей водой блестят светло-желтые песчаные отмели. Скалы раскрашены черными, белыми, желтыми и зелеными лишайниками. Червонное золото свежей древесины просвечивает сквозь нежную зелень кустарников.

Однажды вечером, когда берега, поросшие высоким кустарником, уже погрузились в темноту, мы остановились на ночлег. Вспугнутые нами, поднялись с реки утки и, от-

летьев в сторону, снова сели на водную ширь. Вскоре не-подалеку от нашей палатки остановилось двое охотников.

Один из охотников, Павел Онуфриевич,— высокий, худой, похожий на Дон-Кихота, оказался таким же бескорыстным, детски-наивным и сердечным, как прославленный странствующий рыцарь. Второй, Захар Николаевич,— низкого роста, плотный, аккуратно одетый, в железнодорожной фуражке.

— Жить в таежной местности и ни разу не переночевать в лесу у костра — это ли не стыд для человека, любящего свой край,— говорил Захар Николаевич.— Да и что это за любовь к родной земле, если знаешь ее только по книгам?

С этим утверждением нельзя было не согласиться. Речной ветер освежает, выдувает домашнюю пыль и раскрывает горизонты пошире тех, что видны с берега. Человеку необходимо время от времени проветриваться — и чем чаще, тем лучше.

Мы разговорились со страстно влюбленными в охоту собеседниками.

— Охотникам в нашем kraе раздолье,— рассказывает Захар Николаевич.— Вышел за окопицу — тут тебе и охотничицы угодья. На Печоре после работы берут ружье и отправляются на реку, в лес — побродить по тайге, переночевать у костра. Однажды около нашего села зверь задрал колхозного быка. Местный охотник Сергей Максимов поставил на ночь целых пять капканов, расположив их вокруг погибшего животного. Приходит утром и видит: в одном капкане сидит волк, в другом барсук, в третьем орел.

Попались голубчики! Но где же еще два капкана?

След уводит в лес. Охотник идет по следу и вскоре ахает от удивления: огромный медведь с капканами на передней и задней лапах медленно волочит остатки быка.

По правде сказать, мы не поверили рассказу, но не подали и вида, что не верим. Какой же охотник не увлекается.

— Про птицу я уже не говорю,— продолжал Захар Николаевич, не замечая нашего сомнения.— Птица в наших краях летовки и зимовки проводит. Весной от глухаря по лесу стон стоит — свою любовь глухарь справляется. А осенью куропаток по тундре, что снегу нанесет. И для всякой залетной птицы: для уток, для гусей, для

лебедей — лето наше благодать. Хорошо им в южных солнечных землях, где-нибудь в Египте на Ниле, а все же на лето к нам на Печору в гости жалуют. В кормежке им здесь довольство: рыбы по рекам да озерам так густо, что вода зыблется, ягод по лесам да тундрам, что грязи в мокрое лето.

От подброшенных сухих дров костер разгорелся ярче, осветил лодку, заснувшую реку.

— Люблю просторную жизнь,— признался Захар Николаевич.— Как выберешься сюда да заберешься в самую глушь, на душе так сладко сделается, что и словами не выскажешь. Она, тайга-то, вроде глухая да безжизненная, коли со стороны незнакомому человеку поглядеть. А приди-ка в нее да приглядись хорошенъко — какая там чудесная жизнь! Нет, хороша тайга. Отбери ее у меня, так я с тоски помру.

Сварили ужин. После рыбной ухи и жареной утки любуемся видом вольной реки, наслаждаемся ласковым теплом костра. Хороша река ночью — ее надо видеть собственными глазами, прочувствовать собственным сердцем, чтобы понять все ее чарующее обаяние. Спать не хотелось. Мы лежали и смотрели на преображенную полуночную Печору и слушалиочные голоса.

Наконец, сон сморил нас. Приятно заснуть на телогрейке, постланной прямо на землю. Временами волна теплого сна спадает, на лице чувствуются и дождинки, и жар тлеющего костра, и запах посвежевших от влаги брусничных листьев. Вдыхаем холодный аромат леса и вновь проваливаемся в теплую дрему.

— Вставай,— будет меня Захар Николаевич.

И словно не было сна. Встаём полные сил, бодрости. Небо чистое. Вот-вот брызнет солнце. Все полно свежей прелести. Отправляемся в лес. Узнав, что некоторые из нас еще не видали глухарей, охотники на перебой рассказывают об этой птице. Она очень чутка — только хрустни легонько веткой, сорвется, загремит крыльями по лесу и поминай как звали. Павел Онуфриевич даже продемонстрировал тэканье токующего глухаря.— Тэк-тэк! Тэк-тэк! — похоже на легкое постукивание двух металлических ложек.

Мы поровнялись с соснами. Захар Николаевич молча указал вверх. В густой хвое скрывалось несколько больших черных птиц. Это были глухари. На самом верху,

выше остальных сидела самка-глухарка. Она выделялась более светлым, чем у молодых глухарей, оперением, заметным гребешком на голове и резкими красными дужками бровей. Вдруг с вершины ближайшей разлапистой ели с шумом и треском сорвался глухарь. Сняв с плеча ружье, Захар Николаевич выстрелил навскидку. Шум полета внезапно прервался. Послышался треск ломающихся веток и глухой удар о землю. Потом все стихло. Птица упала где-то рядом: в каких-нибудь тридцати-сорока шагах. Но где?

Я огляделся: ели впереди расступились, и стало как будто чуть светлее. Кругом сплошной стеной стоял молодой осинник.

— Вон что-то чернеет...

На прошлогодней светло-серой листве, раскинув крылья, лежал глухарь. Я взял его за лапы и поднял. Большая птица тяжело свисала вниз.

На прощание Захар Николаевич подарил нам убитую дичь.

Дальше склоны берегов стали обрывистыми, кое-где над рекой нависали огромные скалы. Их разрезали бесчисленные распадки — ущелья, из которых в Печору бежали ручьи. Близость Илычского заповедника, где были хорошие кормовые места для дичи, была здесь особенно заметна. Дичь попадалась на каждом шагу. То и дело с заводей поднимались стаи уток. В одном месте с дерева поднялись два орла-белохвоста. Расправив могучие крылья, они долго кружили над рекой, провожая лодку.

На одном из круtyх поворотов реки, обогнув тальниковую кущу, лодка почти что наскочила на стаю серых цапель. Неуклюжие птицы важно бродили по песчаной отмели на своих высоких, тонких ногах. Застигнутые врасплох, медлительные на взлет, они не успели оторваться от воды, и лодка очутилась возле них. Птицы суматошно кинулись в разные стороны, хлопая длинными крыльями и едва не задевая нас. Наконец, издавая истощные крики, они тяжело поднялись в воздух и рассеялись по долине.

ТРОИЦКО-ПЕЧОРСК

Печора становится все многоводнее. Наливаясь силой, река течет сквозь дремучие леса. Снега и дожди питают водами притоки Печоры. Вскоре Печора принимает слева

реку Мылву, протянувшуюся на 280 километров. В устье Мылвы находится Троицко-Печорск, на коми языке «Мыл-Дин». Печора достигает здесь километра ширины.

Крупнейшее в верховьях Печоры село Троицко-Печорск широко раскинулось по всему береговому скату. Солидные бревенчатые дома в один и в два этажа вытянулись вдоль улиц. Типичные для этих мест постройки — высокий подпол, ступеньки, ведущие ко второму этажу прямо с улицы, прочные тесовые крыши, а под окнами дощатые тротуары. Издалека видны свайные постройки — амбары.

Троицко-Печорский район простирается вдоль Печоры на 600 километров. По правому берегу он тянется в сторону Урала на 200 километров, а по левому уходит от реки километров на 150. Кругом бескрайние, рослые, прямые, устремленные высоко в небо леса.

Веками в Троицко-Печорском районе скрещивались торговые пути разных стран. С севера, через Двину, сюда доставлялись товары из Англии, Франции, с востока шел китайский чай, с юга, по Волге и Каме везли персидские ткани.

Долгое время село было знаменито как раскольничий центр. Здесь «спасалось» не одно поколение старообрядцев. На самом высоком месте, где раньше стояла церковь, теперь построены средняя школа и Дом Советов. Неподалеку расположились Дом культуры, кинотеатр, библиотека. В местной больнице на 70 коек есть рентгеновский кабинет и применяется кварцевое облучение. А раньше на всю среднюю Печору до самой Кожвы был всего один фельдшер самоучка.

Троицко-Печорск стал крупным промышленным и культурным центром верховья Печоры. Здесь работают леспромхоз, сплавная контора, лесная биржа, есть свой автопарк. Быстро растет промышленность. Только за последние пять лет население района увеличилось в четыре раза. Отсюда на Ухту к железнодорожной станции проложена шоссейная дорога.

А ведь совсем недавно здесь была непроходимая глуши и редко можно было встретить обычновенный грузовик.

В Троицко-Печорске есть памятник, а в местном музее хранятся документы и фотографии отважных бойцов: матроса Балтийского флота Арсения Попова, командира взвода Александра Бажукова, добровольца красноар-

мейца Василия Юдина и других, погибших за Советскую власть во время гражданской войны.

Здесь, как и в любом поселке на Печоре, вместе со старожилами, коренными северянами, можно встретить белорусов, украинцев, литовцев и других переселенцев из центральных областей. Все они «душой приросли» к лесу, к Печоре. И часто можно слышать, как гомельский или витебский паренек с характерным белорусским произношением говорит:

— У нас на Печоре есть где развернуться. Места просторные, богатые. Наш район дает более трети всей добычи куницы в Коми республике.

Печора стала для них родным домом, здесь они нашли свое трудовое призвание, а многие молодые люди и личное счастье — обзавелись семьями, воспитывают детей. Печорцы любят свой край. Этим чувством проникаются и приехавшие сюда переселенцы и местные старожилы. Как это поначалу ни покажется странным, многих привлекает здесь климат. Действительно, тут меньше всего простудных болезней.

Справка о здешнем климате говорит: «Умеренно холодный с избыточной увлажненностью». Годовое количество атмосферных осадков достигает 350 мм. Среднегодовая температура воздуха в Воркуте — 5,6°. Самая низкая температура в Троицко-Печорске достигает зимой — 50°. Но такие морозы, как правило, непродолжительны и переносятся сравнительно легко. Летом же температура доходит нередко до 30° жары. Необычайная прозрачность лишенного пыли воздуха не только прибавляет много своеобразия и красоты северной Печоре, но и делает климат здешних мест очень здоровым.

Один из местных жителей пригласил нас к себе в гости. В доме у него было просторно, комнаты обставлены по-городскому, хорошей мебелью: шкаф с книгами, мягкий диван, маленький буфет, радиоприемник. Диван был застлан медвежьей шкурой, такой огромной, что половина ее лежала на полу. Над кроватью висело охотничьи ружье. Распахнутые широкие окна выходили на реку.

Хозяйка принимала нас с чистосердечным северным радушием.

— На Печоре есть чем потчевать гостей,— с гордостью уверяла сна.

Печорская тайга зимой

Вскоре мы сидели за столом, на котором были и пирожки с ягодой, и нельма, и гусатина — плод охотничьих подвигов хозяина, и огурцы со своего огорода, и грибы собственного сбора, и соленья, и варенье из брусники, голубицы и черной смородины.

— Если ты не охотник и не рыбак, то уж, наверное, любишь собирать ягоды и грибы. День-два проведешь на ягоде — зимой каждый день будешь пить чай с вареньем, — рассказывал наш хозяин.

— Ягоды на Печоре собирают не руками, ягодка за ягодкой — это долго и утомительно, а специальным гребешком. За день ведра два-три соберешь, а кто ловкий да сноровистый, тот четыре-пять ведер насобирает. Да и берут не всякую ягоду, только голубицу и бруснику. Этих ягод в здешних лесах хоть завались. Когда они поспевают, все поляны становятся либо черными, либо красными — ступить некуда.

Кроме голубицы и брусники, в печорских лесах есть и земляника, и малина, и смородина, очень много грибов.

Отдавая должное обильному угощению, мы вспомнили о других приемах. Когда-то, стремясь заинтересовать в своих проектах по освоению Севера правящие и деловые

круги, М. Сидоров устраивал в Петербурге «званые северные обеды». Гостям подавали пироги с палтусиной, выловленной в Мурманском море, бульон из оленьего мяса с Новой земли, кандалакшскую камбалу, архангельскую треску и навагу из Чешской губы. На жаркое были северные куропатки с салатом из маринованной брусники, брусничного варенья и рыжиков. Мороженое делали из земляники и малины, а на десерт подавали морошку, клюкву, облепиху, кедровые орехи. Пили только зверобой, рябиновую и смородиновую наливки. Но и эти «выдержаные в северном стиле» угождения не помогли освоению огромной и богатой территории. Осваивается она понастоящему только в наши дни.

Вскоре мы покинули Троицко-Печорск и гостеприимных его людей. Дальше река течет среди низких, сплошь покрытых лесом берегов. Широкая, плавная, она уходит вперед к синеющему горизонту. Справа подходит возвышенность, на берегу появляются крутые обрывы, а за ними в Печору впадает река Пидзы.

В 25 километрах от Троицко-Печорска «Судострой» имеет свою пристань. Здесь же расположена Покчинская верфь, на которой строятся катера и баржи. Еще в четырех километрах ниже, на высоком левом берегу, изрезанном оврагами, раскинулось село Покча. За Покчей и ее полями видна синяя полоса дремучего леса с голубоватыми пятнами обрывов. Мы проходим пристани Скаляп, Митрофановку и Ваньла. На берегах Печоры там и сям, словно сказочные избушки, торчат амбары. Они подняты на четырех столбах высотою в один — полтора метра от земли. Точеные колонки этих столбов похожи на грибы с опущенными краешками шляпок. Вот она, овеянная дыханием прошлых веков северная старина! Минуем селение Пашия. Деревянные, крепко срубленные дома весело смотрят на реку большими стеклянными окнами. Некоторые дома украшены старинной резьбой со своеобразным северным орнаментом.

От Троицко-Печорска до Усть-Усы 604 километра. Здесь судоходство не встречает никаких препятствий во время всей навигации, и только на этом участке построено 27 пристаней. Возле пристаней много лодок, похожих на древние струги. У них низкие борта, а носы подняты на целый метр от воды. Надстройка не лишняя — во время

ветра печорские волны часто перехлестывают и через такую высоту.

Широкие, поросшие травой деревенские улицы протянулись вдоль реки. Километрах в шестидесяти ниже Савиноборского на левом берегу стоит деревня Лебяжская, против которой Печора образует несколько заросших лесом островов. Отсюда чуть виднеются пармы — каменистые горные кряжи, покрытые еловыми лесами. Далеко впереди синеет вершина пармы Тима-Из (Тимофеев камень).

Очередное утро встретило нас пасмурной погодой. Моросит дождь, но мы продолжаем плавание. Вскоре дождь прекратился, в разрывах туч заголубело небо и вновь заиграли краски тайги. Ветер дует попутный, и мы, поставив паруса, используем силу ветра. Плавание под парусами в штормовую погоду — далеко не простое и не легкое дело. Но благодаря своей натренированности и знанию парусного спорта мы легко справляемся со свежим ветром, с силою надевающим паруса. А ветер резко кренит лодку, и она порою совершенно исчезает среди брызг и пены. Несмотря на то и дело налетающие шквалы, мы стрелою мчимся вперед.

На привал останавливаемся под крутым левым берегом у белой, как снег, березовой рощи. Здешняя береза совсем не похожа на нашу обычную плакучую березу. У очень высокой и стройной печорской березы чистый и гладкий ствол, а ветки растут только на самой макушке. Кажется, что она переняла у лиственицы и рост и форму, чтобы не оказаться в тени среди этих гигантов северной тайги.

Скоро у березовой рощи запыпал костер. Какое блаженство после утомительного перехода погреться у костра, попить чуть пахнущий дымком чай. Однако привал пришлось сократить из-за тучи комаров и мошки. Гнус залезал в рукава, за воротник и не боялся даже дыма. Казалось, что крошечные кровожадные хищники даже с удовольствием слетаются на огонь нашего костра. Мы усаживаемся в лодку и быстро отплываем от берега.

Река становится все шире и сильнее. Кажется, что на узкой прибрежной полосе собрались все представители растительного мира Печорского края: статные с шаровидными кронами кедры, рослые в два обхвата лиственицы, рыхкие стволы сосен, кружевная пихта, белоствольные

березы, трепетные осины, темно-зеленые ели. Ближе к воде теснятся ольха, рябина, черемуха, ива.

Здесь много только что намытых островов. Эти острова обычно образуются в середине русла и только в редких случаях жмутся к берегу. Достаточно самой ничтожной причины, замедляющей течение воды, чтобы река тотчас же начала откладывать принесенный ею песок с размытого берега. Какой-нибудь камень или затонувшее бревно легко служат причиной образования мели по самой середине реки. Острова, как правило, имеют вытянутую вдоль течения форму. Это хорошие сенокосные угодья, где трудолюбивые колхозники Коми собирают богатый урожай трав.

Около поселков Сойю и Ичет-Ди слышно гусиное гоготание. Невдалеке лежит Дутов остров, на котором, говорят, очень много диких гусей. Но мы останавливаемся у Елового острова, на котором, кстати, нет никаких елок. Зато остров густой бахромой окутали кустарники, среди которых много малинника. На прибрежном песке виден густой узор гусиных следов.

Старинная деревушка Дутово из нескольких домиков прижалась к самому лесу, и ее почти не видно. Зато почти на полтора километра протянулось Новое Дутово, в котором живут лесозаготовители. Новые здания средней школы, хорошего и вместительного клуба, кино, больничного городка, интерната говорят о молодости Печоры. Отсюда прокладывается гравийная дорога в лесной массив, насчитывающий более четырех миллионов кубометров леса.

Печора ведет нас по глубоким извилинам своего русла. Тайга отошла от берега. У деревни Лемты-Бож (хвост озера Лен) на правом берегу есть небольшой затон. Под этой деревней мы проехали устье безыменной речки, вытекающей из небольшого озера Ожид-Гудорья в четырех-пяти километрах от Печоры. Вся прибрежная полоса, заливаемая половодьем, поросла кустами ивняка и смородины. Безлесные поляны покрыты высокой густой травой. За одним из изгибов реки показались два крохаля — большие утки с острыми загнутыми вниз носами. Они увидели нас и нырнули — один вверх по реке, другой — вниз.

Не останавливаясь, проходим поселок Горт-Ель. Наша лодка вызывает всеобщее удивление. Старик в черном картузе дореволюционного фасона вышел из дома, при-

слонился к забору и долго глядел нам вслед. У залива, куда впадает речка Вухтын, в рыбацкой деревушке Вухтыльской женщина с девочкой в красном платье спустились к реке и обе долго махали нам руками. И тут только мы заметили, что село Подчерье уже осталось позади. Мы не заметили его за лесистым островом, хотя оно и стоит на высоком пологом берегу. Карта говорит, что отсюда до Щугора осталось 60 километров.

Более двадцати лет назад на берегу реки Подчерьем был обнаружен клад изделий из металла. Археолог В. Городцов считает, что хозяева этого клада еще в начале первого тысячелетия нашей эры умели плавить и обрабатывать металл. Судя по технике обработки найденных вещей и орнаменту рисунков, древние жители Подчерьема имели культурно-экономические связи с Сибирью, Волгой и Камой, со скифами и с очагами среднеазиатской и иранской культуры.

Мы пьем чай у костра на острове против деревни Боярской. Сама деревня где-то за островом. Зубцы леса четко отражаются в зеркальной глади реки. В лучах ослепительного солнца пламя костра кажется совсем бесцветным.

Снова поскрипывают весла и за кормой журчит вода, разрезаемая носом лодки. Кое-где на подставках висят длинные рыбачьи сети. Чайки с пронзительным криком летают над рекой, при каждом взмахе сверкая на солнце своими широкими изогнутыми крыльями. Высоко пролетела стая гусей, спустя четверть часа — другая. На сотни километров, не обрываясь ни на шаг, тянется печорская тайга. Тишину ее все чаще нарушают гудки пароходов. Из-под пароходных винтов катятся высокие валы, и вешки на желтых и красных шестах качают своими лохматыми головами. С берегов смотрят хмурые столетние ели, кряжистые кедры и бархатно-нежные лиственицы. Чудесный пейзаж! И мы понимаем П. И. Чайковского, который говорил, что: «Восторги от созерцания природы выше, чем от искусства». В этом нас убеждают пейзажи Печоры,

РЕЧКА БЕЛОЙ СКАЛЫ

Делаем несколько взмахов весел, и за поворотом открывается спускающийся к реке вырубленный, поредевший, полный солнца лес. Свежие, как стружка, домики и

жилка речки, бегущая из тайги — это и есть Еджыт-Кырта — речка Белой скалы, с рабочим поселком около нее.

Каменноугольный рудник Еджыт-Кырта — один из старейших на Печоре, колыбель северного Донбасса. На руднике уже полностью отработаны две шахты. Еджыт-кыртынским углем снабжается главным образом Печорское пароходство. Как на ладони лежит перед нами хлопотливый рабочий поселок. Здесь отроги Уральского хребта перекидываются на левый берег Печоры и образуют крутые склоны.

Ниже речки Ошкали-Ды-юр, впадающей в Печору справа, лежит безыменный остров. Сразу за этим островом правый берег круто вздымается кверху и обнажает обломки гранитных скал.

Среди них ярко на фоне темной хвои выделяются березовые рощи. От правого берега нас сбивает к левому могучий поток. Он сглаживает волны на Печоре, но зато ускоряет ее течение. Все это делает Щугор, один из главных притоков Печоры.

Улицы села зелены. Дома обнесены потемневшей от времени изгородью с долблеными столбами, связанными кручеными, в руку толщиной, жердями. Это еще живые памятники старины.

Щугорский район — район горнопромышленный. Щугорские угольные копи ежедневно дают десятки тысяч тонн топлива.

РЕКА ЩУГОР

Щугор — правый приток Печоры, впадает в нее среди ровных низких берегов на 1031 километре от устья Печоры. Длина Щугора около 400 километров, площадь бассейна 8300 квадратных километров. Образуют эту реку три небольших ручья, стекающие с Уральского хребта. На своем пути Щугор прорезает хребет Иджери-Парму. Соединившись в одно русло, он около ста километров течет в направлении с юга на север, до впадения в него с правой стороны реки Наксорне-Волоховки. На этом участке Щугор бурно устремляется по каменистому руслу, проложенному в крутых, скалистых Уральских горах. В своих верховьях река проходит около горы Тёль-Пос-Из (Камень гнездо ветра). Эта гора длинным хребтом тянется от Урала до реки и круто обрывается у самой

Река Щугор

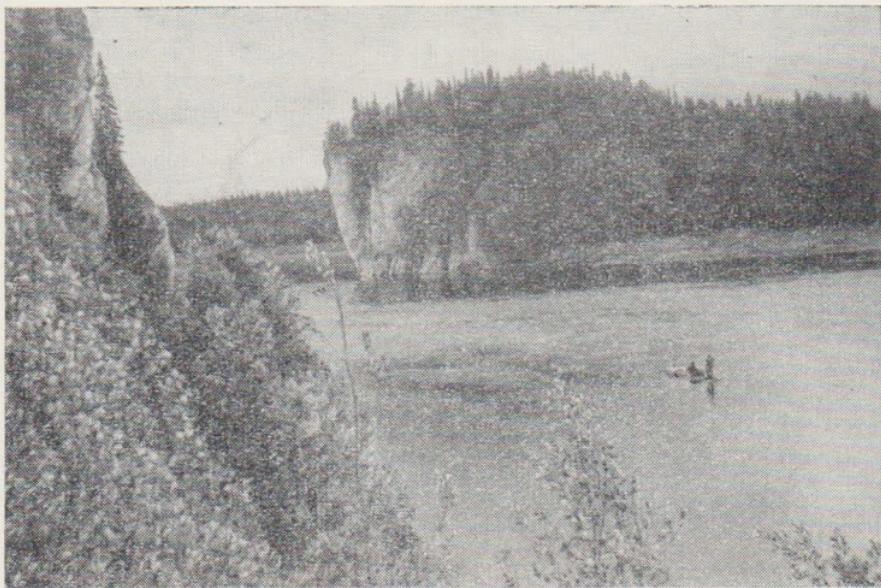
воды. Тёль-Пос-Из окружён группой сопок, отвесных скал и каменных россыпей.

По льду реки в 1887 году была проложена дорога — зимник через Урал в Обский бассейн. Дорога идет сначала по Щугору, потом по его притоку — реке Волоховке. От верховьев этой реки, сбегающей отсюда горным ручейком, начинается подъем на крутой перевал. Через километр с вершины идет пологий спуск, а через четыре километра новый ручей — верховья речки Сартыны, принадлежащей уже к системе Оби. Здесь кончается Европа и начинается Азия.

Примечательны на Щугоре так называемые «Железные ворота». Перед воротами, если спускаться по реке, Щугор разливается в широкий, зеркально-гладкий, обрамленный хвойным лесом бассейн. У самых «ворот» широкая река неожиданно сжимается с обеих сторон каменными стенами из белого выветрившегося известняка. Каньон тянется метров на семьдесят, поднимаясь в высоту до 45 метров.

Это и есть «Железные ворота». Течение в ущелье необыкновенно быстрое, река здесь ревет и наполняет окрестности глухим шумом.

В месте впадения Щугора в Печору вода обеих рек резко отличается одна от другой. Хорошо видны две

Утесы на реке Щугор

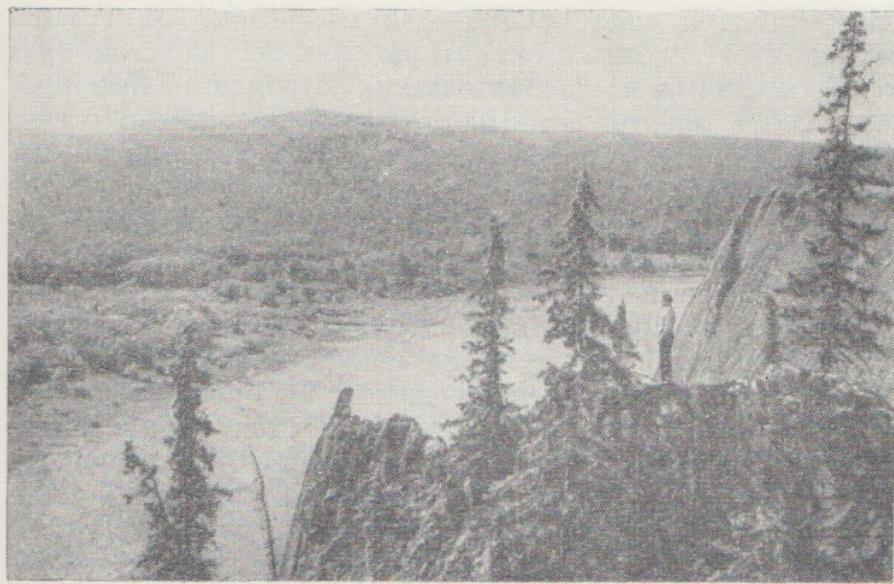
параллельно текущие водяные ленты — светлая, прозрачная у правого и мутная, сероватая у левого берега.

За Щугором изгибы русла Печоры напоминают так называемые войские меандры, получившие свое имя от реки Меандр в Малой Азии. Извилина реки, образованная смещением пластов, суживается, образуя пороги и перекаты. Справа показываются Уральские горы со снежными вершинами и острым пиком горы Сабли.

Здесь, как и на всем протяжении от Троицко-Печорска до Усть-Усы, то есть на протяжении 275 километров, Печора имеет промежуточный характер между горной и равнинной рекой. Тихие плесы сменяются порожистыми участками. И снова перед глазами леса, поселки, рыбачьи тони и небо в широких, пухлых облаках, ломаный полет чаек, утиные стаи и нескончаемый простор без конца и края.

Вот навстречу идет пассажирский пароход, перекликаясь со встречным буксиром. Суда тянут за собой перекатывающиеся крутые валы. Берега здесь высокие и все еще лесистые. Но уже близка граница лесной полосы.

Вскоре мы добираемся до пристани Усть-Воя. Неподалеку залегают печорские месторождения точильного камня. Точильный камень — это морской кварцевый песок,

Приток Усы, река Кожим

сцементированный битумом. Запасы такого камня здесь огромны. До революции добыча точильного камня на Печоре велась примитивным, кустарным способом. Крестьяне добывали камень с помощью кувалды и железного клина, набивая себе кровавые мозоли на руках. Предприниматели широко использовали женский и детский труд на этом тяжелом и мучительном промысле. И в то же время, обладая огромными запасами точильного камня, царская Россия закупала ежегодно за границей до пяти миллионов пудов такого же камня.

Прежние разработки находились на большой Точильной горе, на реке Соплес — левом притоке Печоры. После пожара на промысле добычу камня перенесли к реке Вое, на так называемую Малую Точильную гору. В настоящее время на Вое разработан большой карьер. Теперь камень бурят перфораторами и взрывают. Каменные глыбы лебедкой грусят в вагонетки и отправляют на большую механизированную фабрику, где вырабатывают бруски и точила, превосходящие по своему качеству лучшие в мире норденские (Франция) и мексиканские точильные камни.

В этом районе выявлены и нефтеносные площади. Считают, что залежи нефти здесь так же богаты, как и ухтинские. Теперь ожил, населяется весь район Ухты, ее при-

тока Чибью и еще дальше — до Воя горы. Он гремит механизмами, светится окнами рабочих поселков, лабораторий, кострами исследовательских отрядов. Тайга расцвечивается электрическими огнями и постепенно отступает, давая место вновь возникающим промышленным предприятиям.

Ниже по реке мы проходим мимо поселка Коммуна, где в 1931 году был создан первый Красноармейский колхоз. Невдалеке, на левом берегу, расположилась пристань Даниловка, а через 22 километра, на правом берегу, — пристань Конецборская. Минуем пристань Кедров Шар и подходим к пристани Медвежской. От большого острова Позорохи, справа, вдали открывается горная цепь Уральских отрогов. Очерченные неровным контуром горы эти так сини, что в первый миг кажутся грядой облаков. Цепь тянется с севера на юг, вздымаясь у южного конца могучим конусом горы Сабли. Меж горных горбов видны белые пятна. Неужели это снег или лед?

Мы долго не отываемся от чудесного зрелища. Справа сказочно синий рисунок горной цепи, а по левому берегу красуются ярко-зеленые кудри берез, тонкие осины, светлая хвоя лиственицы на раскинутых прямых сучьях, ярко сверкают у берега золотистые пески — и над всем этим еще вековечней, гуще и торжественней высится стройные северные ели. Мы любуемся горным пейзажем почти до поселка Демид-Вася. Ниже Бызовой в стороне от Печоры тянутся приречные озера, сверху, с самолета, кажущиеся зеркалами в зеленой, малахитовой рамке.

ГОРОД ПЕЧОРА

Благоприятное географическое положение поселка Канина, раскинувшегося на правом берегу могучей Печоры, издавна привлекало путешественников. В 1903 году географ и полярный исследователь В. А. Русанов, стоя на левом берегу Печоры, записал в своем дневнике: «Придет ли время, когда на том берегу Печоры будет построен город?»

Это время пришло, мечты Владимира Александровича Русанова стали былью. Там, где берега Печоры соединены стальными фермами железнодорожного моста, растет новый город Печора — административный центр Кожвинского района и большой порт на правом берегу реки. Город Печора — крупный железнодорожный и промыш-

ленный узел Коми республики. Здесь создается центр деревообрабатывающей и лесохимической промышленности союзного значения. Крупными предприятиями города являются лесокомбинат, судоремонтные мастерские, лесобаза, мясокомбинат. В порту работа не затихает ни днем, ни ночью. Это один из лучших в стране высокомеханизированных речных портов.

По реке тянутся караваны барж, сверху, с высокого берега, похожие на гигантских рыбин. Неторопливо движутся плоты. Деловито снуют катера. В волнах ныряют лодки. Повсюду над водой торчат краны и суда быстро наполняют свои трюмы или освобождаются от груза.

Людно и шумно на дебаркадере Печорского речного порта. То и дело уходят и приходят белые, как лебеди, теплоходы. Они гудят низкими голосами и оставляют на зеркальной глади реки дорожку из мелких волн. Каждый пароход — это новые пассажиры из далеких северных краев — из Нарьян-Мара, Усть-Цильмы или из более южных мест, например из Троицко-Печорска. Почему же так людно в порту, почему столько людей устремляется в город Печору? Причина простая — это единственный порт Печорского пароходства у железной дороги. Здесь находится самый красивый на Печорской железной дороге вокзал. Он как часовой высится рядом с трехэтажным зданием паровозного депо.

Крутая лестница приводит на высокий яр. Отсюда открывается широкий вид на реку, мерцающую в туманной дымке знойного дня, и на город. Совершаем прогулку по городу на автобусе. Повсюду распланированы новые кварталы. Даже из окна автобуса видно, как растет и благоустраивается город. На улицах Печоры сотни людей в рабочих спецовках. Школьники высаживают деревья. Тяжелые железные катки утюжат дорогу, прокладывая новые пути для автомобильного транспорта. У кассы кинотеатра выстроилась очередь за билетами на новый фильм. С грузовика, подъехавшего к новому двухэтажному дому, сгружают мебель.

В городе около 40 тысяч населения. Все больше сближаются две части города — Канин, где живут речники, и Печора, где живут железнодорожники. На высоком берегу разместились Печорское речное пароходство и бассейнное управление речного пути. На берегу затона раскинулся сосновый парк.

В бассейне Печоры протекает более 80 рек. Речной транспорт бассейна насчитывает около трех тысяч километров судоходных путей. Навигационный период на верхней Печоре длится 165 дней, на средней — 158, в устье, на выходе в море,— до 110 дней. Судоходство на Печоре начал в 1880 году волжский судопромышленник Суслов, а через шесть лет здесь уже ходили три парохода: «Печорец», «Городок» и «Черныха». В 1913 году по Печоре курсировали 13 буксирных пароходов и паровых катеров и два грузо-пассажирских парохода. Судостроение на Печоре прекратилось в 1914 году, и количество судов значительно сократилось. В навигацию 1924 года Печорский паровой флот состоял всего из двух товаро-пассажирских и трех буксирных пароходов, общей мощностью в 800 индикаторных сил. А между тем Печора судоходна в течение всего навигационного периода от устья до Якшинской пристани.

До революции ежегодный грузооборот на Печоре едва доходил до 10—12 тысяч тонн сухогрузов и 40 тысяч тонн леса в плотах, а уже перед Отечественной войной он достиг 600 тысяч тонн. Сейчас он значительно больше. Теперь по Печоре курсируют комфортабельные пароходы и буксирные катера, тянувшие плоты и баржи с углем, нефтью, лесом. Несравненно увеличился непаровой флот. Почти на всем протяжении реки созданы крупные затоны, судоремонтные заводы и механические мастерские.

Вместе с молодежью на берегах Печоры можно встретить немало и седобородых речников. Они любят свой суровый край и свою нелегкую профессию. Многие из них прошли славный трудовой путь — от кочегаров, матросов, грузчиков до опытных судоводителей. Сердце речника всегда тянется к судну!

«ЗОЛОТАЯ РЫБА»

От деревни Козорихи облик берегов Печоры сразу меняется. Крутые берега пропадают, появляется больше лугов. Широкая пойма вниз по течению реки расширяется, достигая местами 8—10 километров ширины. Следующая за Усть-Кожвой пристань — поселок Песчанки. Мы решили пристать к берегу. Лодка ткнулась в песок, откуда-то вылетела трясогузка и села на склонившуюся над водой ветку черемухи.

К нашему привалу подошла и остановилась в заводи узкая долбленка. Коми-рыбак бухнул в воду вместо якоря тяжелым камнем и забросил самодельную удочку. За плечами рыбака висело охотничье ружье. Ведь здесь можно повстречаться и с медведем, много их тут шатается. Рыбак каждые две-три минуты выбрасывал в лодку трепещущего окуня. Три, четыре, десять, двадцать — и мы теряем счет. Долбленка наполняется крупными рыбинами с темными спинками, отливающими медью боками и красными плавниками.

Мы подошли к рыбаку. Худощавый, невысокий, он производил впечатление замкнутого, хмурого человека. Было в нем что-то от этих строгих берегов. Но ведь стоит выглянуть из-за туч солнышку, как горы и тайга преображаются, светлеют, ожидают. Так и рыбак: вызови его на задушевный разговор, и человек становится совершенно другим — словоохотливым, оживленным.

— Хорошо рыба здесь ловится?

— Рыбкой, сам знаешь, река нас не обижает. Ловится рыбка.

Мы разговорились. Рыбак Максим Степанович свернулся удочки, подошел к нашей палатке. Темные глаза его были устремлены вдаль, мы слышим его теплые, любовные слова:

— Про нашу реку на весь свет слава идет: тони уловисты, рыба жирна, редких сортов. Семгу нашу и за границей знают.

Многоводная Печора славится цennыми породами рыб. Промысловое значение имеют проходные рыбы, приходящие из моря для нереста: семга, омуль, нельма. В реках и озерах Печорского края обитают сиг, чир, щука, язь, хариус, голец, окунь. Общий улов рыбы на всей Печоре составляет свыше 17 тысяч центнеров в год, из них очень много высокоценных лососевых пород. Печора — одна из немногих рек, в которых водится ценнейшая рыба семга, которую причисляют к самым деликатесным товарам. Семга, или северный лосось, встречается в Баренцевом и Белом морях, в Северной Двине, Онеге и Мезени. Не малую долю всего улова этой ценной рыбы дает Печора. Не случайно поэтому Печору называют деликатесным цехом природы.

Лосось — название групповое. Так называют большую группу родственных рыб: атлантические лососи (семга,

Кумжа, ручьевые форели), дальневосточные лососи (кета, горбуша, нерка). Печорская семга — один из видов атлантических лососей. Это крупная рыба, достигающая значительных размеров и веса. Известный исследователь Н. Я. Данилевский упоминает о пойманной в 1859 году на Печоре семге весом почти в 40 килограммов. Грузы семги — «золотой рыбы» печорских вод пользуются первоочередностью и срочностью доставки.

Осенью, почти перед самым ледоставом, семга входит в реку для икрометания. Неудержимая сила влечет ее все выше и выше по реке. Ее не останавливают даже пороги. Упругим, могучим хвостом отталкивается семга от воды и перепрыгивает через препятствия, встречающиеся у нее на пути. От других рыб тупоносая синеватая семга отличается невысокой плодовитостью. Размножается она большей частью один раз в жизни, и лишь небольшое число половозрелых рыб мечет икру два раза и более. При этом много молоди погибает.

В 1939—1940 годах в печорские воды было выпущено несколько тысяч мальков осетра и стерляди. Наблюдения показывают, что эта рыба превосходно акклиматизировалась и хорошо размножается. Рыболовецкая бригада колхоза «XX лет Октября» в одной из ловушек обнаружила вместе с семгой метрового осетра. Он весил свыше девяти килограммов. По расчетам рыболовов через несколько лет на Печоре уже можно будет начать промышленный лов осетра.

Ранним утром мы надули резиновую лодку, бесшумно спустили ее на воду и тихонько двинулись возле зеленой каймы берега. За кормой уходит в воду шнур с блесной. С нетерпением ждем, когда щука схватит блесну, дрогнет струной натянутый шнур и тишину утра разбудит шумный всплеск пойманного хищника. Вода, накрытая туманом, еще темна. Но вот туман начал таять, и река проснулась. Заплескалась рыба в омутах. Рванула блесна. Я бросил весло, слежу. Щука делает два-три круга, покоряется сматывающейся лесе, показывается у самой воды и... срывается. Пришло завтракать окунями и двигаться в дальнейший путь.

Откуда-то набежали высокие, белые, как хлопья пены, кудрявые облака. Они быстро слились воедино и потемнели. Края тучи медленно тяжелели. Где-то недалеко сверкнула молния, прогремел гром. Небо, словно прорва-

лось, и пошел сильный дождь, потоки воды устремились в реку. Но вот неожиданно подул ветер, он сорвал туманный покров с леса, разметал обрывки облаков, и снова засияло ласковое солнышко. Мы решили развести костер и посушиться.

Не зря лил дождь: он вымыл и землю и небо. Бор благоухает. Наша лодка идет серединой реки, но и сюда доносится нежный смолистый запах сосны. Печора тут и там делится на рукава. Сердятся плотогоны на свое-нравный характер реки, досадуют капитаны. А вдалеке от реки виднеются озера самых различных форм и размеров. Эти рассеянные по тайге озера идут неровной цепью на сотни километров. Там столбовая озерная дорога для караванов гусей, уток и лебедей. В озерах обширными лужайками растет максатура. Этот злак тянется из-под воды, образуя своими стеблями целый подводный сад. В этом саду любит гулять сиг. Ходит там и серьезный муксун, бегает быстрая красавица нельма, неподвижно стоит между зеленых стеблей сырок, широко раскрыв красноватые глаза и блестя серебряной кольчугой-чешуей.

От Самоедского ручья раскинулись плоские серые берега. Хвойные леса отошли в даль, оставив у берегов переделые лиственные участки, перемешанные с непричесанным ивняком. Видим стаи уток, слышим беспокойный шум Печоры, любуемся живописными избушками, прилепившимися к берегу. Вот едет человек верхом. Лошадь запряжена в сани, и воз гремит по камням, скрипит по песку и гальке.

Блуждая по широкой пойме, Печора прижимается то к правому, то к левому берегу, подмывая их и образуя обрывы. Мы минуем пристань Соколово, затем Родь. Левый берег Печоры здесь крутой, с обнажениями, образовавшими ряд крутых скатов. К самому берегу опять подступил высокий лес. Он тянется от Усть-Лыжи до Смольного материка. За Смольным материиком высокие берега отходят далеко в сторону, и по Печоре раскидываются широкие песчаные острова, укутанные ивняком.

Впереди на закруглении правого берега, разрезанного сильным притоком — Усой, разворачивается панorama села Усть-Усы, занимающего угол, образуемый двумя реками. У берега стоят десятки больших барж. Рядом пришвартовались буксируемые пароходы.

Село раскинулось на высоком обрывистом берегу. Туда ведет крутая лестница из двухсот ступенек. В несколько ярусов стоят дома, среди них немало каменных двухэтажных. Старые ветхие домики жмутся к реке. Ни огородов между ними, ни засеянных полей вокруг села. Здесь ведутся большие осушительные работы, прокладываются прямые, как стрела, дороги, постепенно обрастающие стройными рядами новых жилых домов и учреждений. У пристани, на уступе высокого обрывистого берега, на месте старой деревушки растет новый поселок. Построены большой Дом Советов, здание Педагогического училища, баня, телефонная станция. Телеграф соединяет Усть-Усу с городом Сыктывкаром. Открыты звуковое кино и гостиница, проведен водопровод. В домах светится электричество. У молодежи есть свой спортивный стадион. Работают промышленный комбинат и известковый завод.

В районе успешно развивается добыча угля, точильного камня, маслоделие, лесозаготовки и производство замши. Печорский край — родина русской замши, здесь издавно существовали заводики «на дому». Несмотря на то что 90 процентов площади района покрыто лесом, развивается и сельское хозяйство. Широко освоены огромные луга, выращивается ячмень.

В районе находится основная база оленеводства Коми АССР. Колхозы республики имеют около 140 тысяч оленей. Олени кочуют по тундре, совершая почти тысяче-километровый путь от зимних стоянок в лесотундре до Ледовитого океана. Нередко по соседству с дорогой можно увидеть олени стада, пасущиеся на склонах сопок и в лощинах. Отличный мех для теплой зимней одежды, вкусное питательное мясо поставляют оленеводческие колхозы. Одно из крупных хозяйств района, колхоз «Красный путь», владеет 3000 оленей. В 1956 году от оленеводства колхоз получил дохода 176 тысяч рублей. Охота на белку, песца, горностая, лов семги и нельмы являются подсобным промыслом населения.

РЕКА УСА

Река Уса своими притоками — Адзвой, Косью, Большой Роговой, Сейду, Колвой и Воркутой охватила почти всю тундру. Летом по этой водной системе можно проникнуть в самые отдаленные уголки края.

В древности Уса служила новгородцам водным путем в Сибирь. Недаром здесь еще при Иване Грозном была организована в устье Большой Роговой таможня, так и называвшаяся «Роговой городок».

Принимая своими верховьями нагорные воды Северного Урала, Уса протекает тундрой более 550 километров. Как и большинство рек бассейна Печоры, Уса широка, но не глубока. Весенний паводок на ней начинается в первых числах июня. На северо-восток от основной Печорской магистрали по Усе и ее притоку Воркуте идет пароходная линия Усть-Уса — Воркута. Регулярное пассажирское движение по этой линии начинается во второй половине июня. Мы воспользовались этим, оставили свою лодку и совершили поездку по Усе.

Пароход идет полным ходом, оставляя за собой на зеленовато-синей воде пенистые гребни волн. После первой пристани Колвы пароход пристает к пристани Ось-Вань, что в переводе на русский язык значит «Осип Иванович». Здесь многие поселки получили свое название по имени их первых поселенцев.

Дальше вверх по реке идут пристани Сынья-Нырд, Макариха и Меркуш. В 164 километрах от Усть-Усы находится пристань Адзъва-Вом. Поднимитесь на лодке по быстрой реке Адзъве.

В 90—95 километрах от ее устья можно оставить лодку и пешком подняться по берегу ее притока Пымвашор. На первых двух километрах речка течет в невысоких тундровых берегах. Все однотонно, скучно. Но надо пройти еще один километр, и вдруг за ближайшим поворотом реки открывается замечательная картина. По обоим берегам высятся причудливые скалы из темно-серых известняков. В долине реки белеют стволы удивительно стройных березок и, как контраст, рядом стоят темные пирамидальные ели. Настоящий лесной оазис в тундре! Пройдите еще полсотни шагов. Перед вами изумительно красочный цветочный ковер, целая плантация пионов — цветов более южных районов. Оглянитесь внимательно вокруг. Чуть заметный пар поднимается у подножия скал. Вот один ключ, бьющий из скалы, вот другой, третий. Это теплые минеральные источники. Придет время, и здесь, среди тундры, в живописном лесном оазисе, будет создан курорт,

Выше находятся горы Адака, где Уса прорезает гряду Чернышева. Река здесь становится бурной и порожистой. Сдавленная с двух сторон причудливыми известковыми скалами, достигающими 60 метров высоты, Уса, как бы в гневе, бросается на них, стремясь сокрушить внезапно вставшее на дороге препятствие. Каменные скалы образуют гигантские ворота в тундру. Дальше правый берег реки покрыт низкорослой береской и кочками, левый еще сохраняет следы хвойной растительности.

У пристани Вежкурья есть затон с ремонтными мастерскими. Еще дальше идут крутые, обрывистые берега, русло сильно суживается. Здесь река прорывает кряж Чернышева, а выше, перед устьем реки Косью, Уса протекает в широкой долине.

Косью — левый приток Усы, берет начало со склонов горы Народной на Северном Урале. Длина его 296 километров. В верхнем течении река эта имеет горный характер, порожиста, с частыми каменистыми перекатами. Левый берег, образованный восточными склонами кряжа Чернышева, круче, чем правый. Река течет здесь среди низкорослых еловых лесов.

Достаточно побывать у Железных ворот на другом левобережном притоке, реке Сыни, в том месте, где она прорезает гряду Чернышева, чтобы на всю жизнь сохранить впечатление от неповторимого пейзажа. По обоим берегам реки, как мощные крепостные стены, возвышаются тридцатиметровые отвесные скалы из известняков, то белых, то желтоватых, с изумрудно-зелеными пятнами кустарников, растущих в расщелинах скал. Голубая, как небесная лазурь, вода плещется у подножия скал и до зеркального блеска шлифует их мраморный цоколь.

Не верится, что мы на Крайнем Севере, что вокруг нас тундра. Июльское солнце обжигает, как на юге, ветра нет, и некоторые пассажиры на палубе принимают солнечные ванны. А между тем Полярный круг уже позади, и гористые берега Усы почти лишены растительности. Низкорослые, карликовые берески, мелкий кустарник и то серые, то кирпично-красные утесы самой причудливой формы проплывают мимо.

— Красивые, но опасные места, — говорит капитан парохода.

Пароход медленно движется по узкому коридору промеж высоких берегов. Стремительные водные потоки

бывают в нос парохода. Во время коротких остановок мы выходим на берег и собираем красную и черную смородину, чернику, бруснику.

А в короткие ночи солнце почти не уходит за горизонт. Светло, как днем, и никому не хочется спать. Из тесных, душных кают, спасаясь от бесчисленных комаров, мы выходим на высокий капитанский мостик и любуемся замечательными берегами, пестрыми, как палитра художника.

— Я плаваю здесь уже семь лет,— говорит капитан,— но каждый рейс открывает мне что-нибудь новое, чего я прежде не замечал.

Он прав. Здесь можно прожить всю жизнь и так и не узнать местной природы до конца. Ведь на Усе охотники встречают Первое мая в меховых одеждах и до половины июня ездят по реке на санях.

Протяжный гудок парохода оповещает об остановке. Вдали на фоне бескрайних холмов тундры, на самом берегу Усы, вырастает мясо-овощной совхоз Кочмес. Далеко от больших населенных мест, среди болот меньше чем в два года здесь построен великолепный поселок со всеми удобствами.

Мелким серебром прозвенел дождичек, когда пароход подошел к селу Петрунь. Это село имеет своеобразную историю. Оно было «открыто» и «приобщено» к внешнему миру только в 1897 году. Рассказывают, что при проведении переписи неожиданно наткнулись на деревню, о существовании которой до этого ничего не было известно. В деревне Болбон, как раньше она называлась, в честь большого деревянного идола Болбона, оказалось шестнадцать дворов, в которых проживало около ста человек. По царскому указу поселок был переименован в село Петрунь, которое позднее превратилось в торговый центр. Сейчас здесь находится крупный колхоз, оленеводческий совхоз, охотничья артель. В селе открыта средняя школа. Отсюда красный чум выезжает в тундру для обслуживания пастухов-оленеводов.

Дальше идут небольшие пристани, возле которых, например у пристани Тоши, видно всего несколько домиков. На противоположной стороне — крупный оленеводческий колхоз. Пароход подходит к пристани Абезь на правом берегу реки. Здесь находится одноименная станция Печорской железной дороги. Следующие пристани

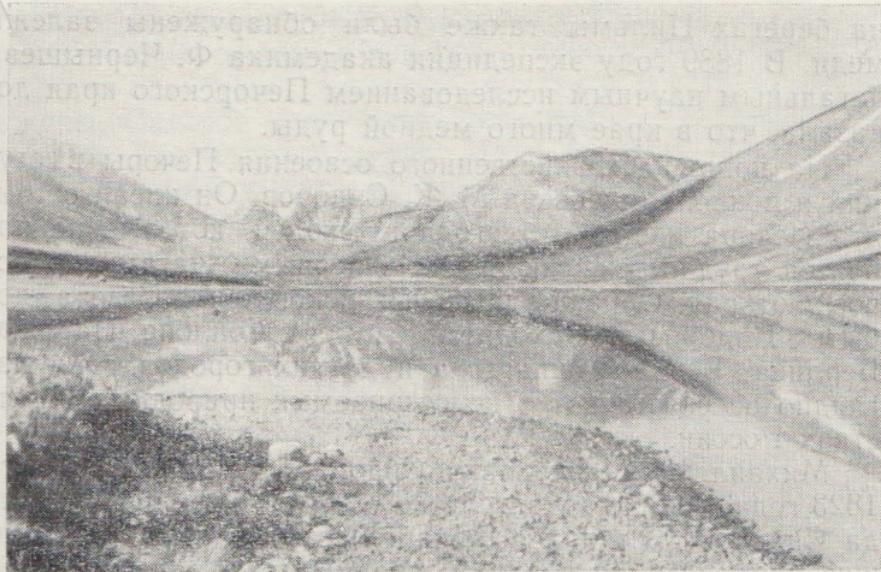
Песец попал в капкан

Евсе-Яваны, Ошвор и Победа уже целиком находятся в безбрежной тундре. Летом тундра пестрая, как цветной ковер. Осенью она становится бурой, а на долгую зиму покрывается плотным снежным одеялом.

Между реками Печорой и Усой, Уралом и Пай-Хоем (хребтом, отходящим от Урала) раскинулась Большеземельская тундра со спокойным пологохолмистым рельефом и очень скучной растительностью. К югу от низкого заболоченного побережья возвышаются холмы и высокие гряды. Западную гряду, протянувшуюся от Хайнудырской губы к Усть-Цильме, называют Земляным (Большеземельским) хребтом, восточную (в ее южной части) — кряжем Чернышева.

Иногда в тундру заходит бурый медведь, чтобы полакомиться ягодами. Недаром слово «воркута» в переводе с ненецкого языка на русский означает «медвежья река». Здесь много песцов. Поэтому Большеземельскую тунду нередко называют «Краем голубых песцов». Все песчаные холмы и гряды изрыты песцовыми норами.

По ночам уже не так тепло — из тундры веет прохладой Заполярья. Но нас по-прежнему захватывает красота здешней природы. Выступающие на горизонте

В горах и летом лежит снег

Уральские горы по утрам кажутся фарфоровыми, перед закатом — аметистовыми. Вершины гор скрываются в дымке, а кое-где в расщелинах и ущельях лежит снег, который не тает даже в самые жаркие летние дни. Кажется, рукой подать до этих гор, как будто до них всего два-три часа ходу. Но впечатление это обманчиво. На самом деле до ближайших из них больше ста километров.

Следующая пристань на правом берегу — Усть-Воркута.

ТАЕЖНЫЕ КЛАДЫ

Богатства Печорского края издавна привлекали к себе внимание. В «Истории государства Российского» Карамзин писал о том, что первую русскую экспедицию по выяснению запасов меди, серебра и железа на Печору снарядил в 1491 году еще великий князь московский Иван III.

В своих записках о путешествиях в Мезенском kraе академик И. Лепехин сообщал, что в начале XVII столетия член Петербургской академии наук Г. Миллер в окрестностях Печоры строил медный завод. В 1864 году

на берегах Цильмы также были обнаружены залежи меди. В 1889 году экспедиция академика Ф. Чернышева детальным научным исследованием Печорского края доказала, что в крае много медной руды.

На поприще хозяйственного освоения Печоры выступил и поклонник Севера М. К. Сидоров. Он писал о том, что Печора щедро отблагодарит людей, которые не побоятся трудностей, связанных с первыми шагами по освоению края. Образцы полезных ископаемых Севера, добывавшиеся Сидоровым, находятся в музеях Лондона, Парижа, Берлина, Вены, Вашингтона и других городов. Они наглядно рассказывают о неисчерпаемых природных богатствах России.

Михаил Константинович Сидоров родился 23 марта 1823 года в семье архангельского купца. В конце 1830 года Сидоров поступил в Архангельскую реальную казенную гимназию, но покинул школу и лишь впоследствии окончил другую гимназию. В 1845 году Сидоров увлекся путешествиями, заинтересовался богатствами своей родины и, бросив дела отца, отправился в Сибирь. Он прожил 20 лет на реках Обь и Енисей. Позднее он обследовал весь Север от Якутии до границы Норвегии, на протяжении 7000 километров.

Архангельского гражданина М. К. Сидорова по праву называли «стражем интересов Севера России». Он неустанно выступал в защиту русских интересов, всеми силами старался поднять Северный край, поставить на службу родине огромные его богатства. Показывая редкий пример, все свои средства он употребил на развитие промышленности севера Европейской России и Сибири. Умер М. К. Сидоров 12 июля 1887 года. Небольшая глыба темно-серого мрамора лежит на его могиле на кладбище Александро-Невской лавры, там, где покоятся и прах М. В. Ломоносова.

Деятельность М. К. Сидорова получила всемирное признание. Он состоял почетным президентом Африканского института в Париже, созданного в целях содействия уничтожению рабства негров, почетным членом ряда географических обществ. Большая гора на Шпицбергене названа именем М. К. Сидорова. М. К. Сидоров сумел глубоко проникнуть в тайны Печоры и предугадать ее будущее, хотя в то время о геологии Печорского бассейна знали не больше, чем о геологии Луны.

Интересен такой факт. В кабинете Наполеона III стояла считавшаяся самой большой в мире глыба из графита весом в целый пуд. Стремясь показать богатство своей родины, Сидоров преподнес Александру III графитную глыбу в шестнадцать пудов. Царь подарок принял, но предприимчивому промышленнику по-прежнему приходилось обивать пороги министерств. Судьба Сидорова примечательна для характеристики состояния исследовательской работы в царской России.

На одну из записок М. К. Сидорова «О средствах вызвать Север из его бедственного положения», поданную наследнику царя в 1867 году, воспитатель наследника, Зиновьев, ответил: «Так как на севере постоянные льды, хлебопашество невозможно и никакие другие промыслы немыслимы, то, по моему мнению и моих приятелей, необходимо народ удалить с севера во внутренние страны государства, а вы хлопочете наоборот, и объясняете о каком-то Гольфштроме, которого на севере быть не может. Такие идеи могут проводить только помешанные»¹.

Почти полное геологическое неведение скрывало богатейшую страну. Сказочным кованым ларцем лежала Печорская земля, но путь к ее сокровищам был заказан. Север вплоть до Великой Октябрьской революции, выражаясь словами академика Ф. Н. Чернышева, оставался пасынком в науке. Не минералами была бедна Печора в прошлом, а бедна знанием их. Лишь Великий Октябрь вызволил богатства Печоры к жизни. И земля, истосковавшаяся по настоящему хозяину, открыла ему свои недра.

Печору изучали крупнейшие советские ученые: академики А. П. Карпинский, И. М. Губкин, А. Е. Ферсман, А. А. Григорьев, В. Н. Образцов. Много сил и энергии в изучение геологии Печорского края и в разведку его богатств вложил Герой Социалистического Труда доктор геолого-минералогических наук профессор А. А. Чернов.

В 1902 году, после окончания курса в Московском университете, А. А. Чернова пригласил с собой в далекую поездку на север известный профессор А. П. Павлов, его учитель. Извилистым таежным трактом, местами по лесотундре и тундре они ехали на лошадях от Архан-

¹ А. Жилинский. Россия на севере, Архангельск, 1918, стр. 23.

гельска до Усть-Цильмы, затем в крытых лодках про-
никли в глубь лесов по Печоре и Ижме, на шестах под-
нимались по мелководной Ухте.

«Я полюбил Печорский край с его обширными неис-
следованными пространствами,— говорит А. А. Чернов.—
Не раз мне удавалось побывать в этом крае до револю-
ции, а затем началась полоса систематических исследо-
ваний природных ресурсов Севера».

За Камой-рекой, за Вычегдой лежат стертые време-
нем кряжи древнего Тимана. Более поздние отложения
скрыли когда-то могучие горы, и только геологи знают,
что Тиман миллионы лет назад был берегом теплого моря.
Исчезло древнейшее море, разрушились горы. И вот те-
перь между Тиманом и Уралом разведчики недр обна-
ружили залежи нефти и природный газ. В бассейне Ухты
открыты нефть, газ, радиоактивные воды, на Печоре и ее
притоках — уголь. До сих пор еще не определены гра-
ницы Тимано-Печорской газонефтеноносной провинции и
Печорского угольного бассейна.

В верховьях Печоры, на массиве Большого Болвана,
найдены залежи гематита¹. В районе Полярного Урала
геологи ищут печорскую «гору Магнитную». На берегах
реки Усы обнаружены оgneупорные глины. В пределах
Тимана сосредоточены громадные запасы девонских и ка-
менноугольных известняков. Асбест найден в бассейне
реки Ильч, на горе Сабли. На Ижме и Цильме встре-
чается гипс. В верховьях Ильча открыты и другие руд-
ные и нерудные ископаемые. Около горы Сабли,
в сорока километрах от селения Аранец, предпола-
гается наличие горного хрусталя.

М. К. Сидоров в свое время писал, что в бассейне од-
ного из притоков Печоры — реки Щугор есть золотонос-
ные россыпи. В дневнике В. Н. Латкина также рассказы-
вается об обнаруженных в этих местах золотоносных
песках. Профессор А. А. Чернов подтверждает: дейст-
вительно, есть указания на золото в верховьях различ-
ных правых притоков Печоры.

Все дальше в тайгу углубляются разведчики нефти.
По их стопам над лесами и болотами шагают гигантски-
ми «чемкосами», как раньше здесь назывались длинно-

¹ Гематит, или красный железняк,— особенно ценная желез-
ная руда.

верстные переходы, тонконогие буровые вышки, появившиеся уже в предверховьях Печоры.

Таков далеко не полный перечень полезных ископаемых Печорского края, значительная часть которых до сих пор все еще остается загадкой для геологов.

Неисчерпаемый резерв для нефтегазовой промышленности, несомненно, представляет и Большеземельская тундра, где уже известны битумы, но куда еще не пришли геологи разведчики. До сих пор не проверено утверждение профессора А. А. Чернова о том, что в верховьях правых притоков Печоры есть золото. Еще не изучена обширная область между Тиманом и Уралом.

• А какая бездна даровой энергии, способной преобразить весь край, бессмысленно изо дня в день пропадает на Печоре, в этом мощном водном потоке. Сейчас гидроэнергетические ресурсы Коми республики составляют суммарно, в переводе на установленную мощность, более 2,5 миллиона киловатт. Добрая половина этой мощности падает на Печору, и нам рисовались будущие контуры новых гидроэлектростанций, которые здесь возникнут. Как тогда все изменится! Там, где звучит ныне только топор лесоруба, заработают электрические пилы. Там, где бродят сейчас олени, пойдут электрические поезда. Но суровы здешние места, без борьбы они не отдают своих богатств, и советские люди вступили в бой с сурою, но богатой северной природой.

ЗАПОЛЯРНАЯ ҚОЧЕГАРКА

Первое, что мы узнали на Воркуте, была история освоения печорских угольных месторождений, о которых еще в 1828 году Деньгин впервые упоминал в журнале «Отечественные записки».

Северу без угля уже давно приходилось туго. Архангельский порт требовал его особенно много. Лет сто тому назад морское ведомство послало на Печору поисковую партию. Однако едва инженер Антипов успел найти бурый уголь, как финансирование прекратили, и поиски пришлось оставить. Спустя двадцать лет разведкой этих углей занялся М. К. Сидоров. Он извел много бумаги на докладные записки царскому правительству, но все оказалось напрасным. Профессор Федоров также безуспешно пытался привлечь внимание к воркутинскому

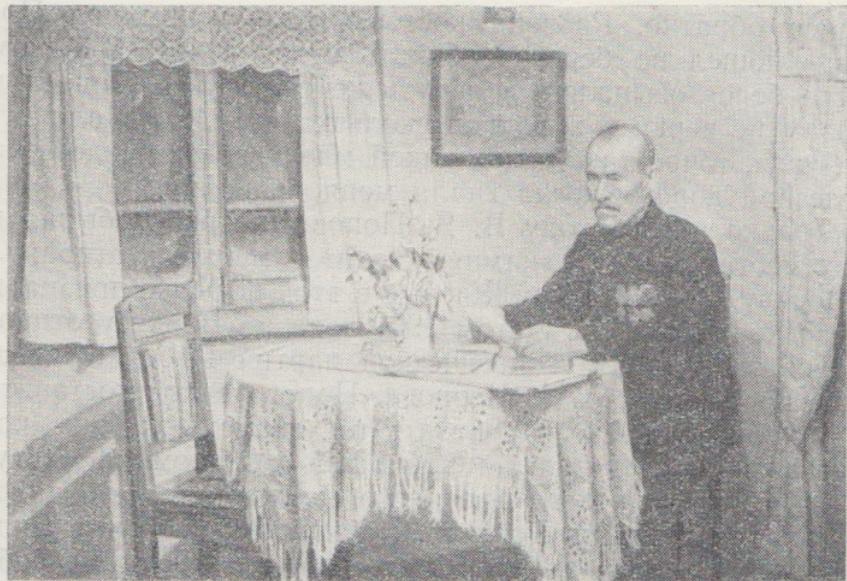

Шахтерский город Инта

углю. В 1911 году инженер Мамонтов обнаружил угольную гальку на Печорских отмелях, но и этому факту никто тогда не придал особого значения.

Систематические поиски угля в Печорском крае начались только в 1921 году под руководством старейшего исследователя республики Коми профессора А. А. Чернова. В 1923 году геологи добились первого крупного успеха. На реке Нече, впадающей в Косью, большой левый приток Усы, были обнаружены выходы углей. Эти находки Госплан поручил проверить А. А. Чернову. Чернов с двумя отрядами исследовал бассейн реки Косью и нашел несколько выходов углей большой мощности. В последующие годы на многочисленных притоках Усы — реках Кожиме, Косью, Большой Инте, Большой Сыни, Застренной, Адзьве также были обнаружены мощные угольные пласти.

Печорский угольный бассейн расположен главным образом в бассейне реки Усы. Здесь открыто больше 30 угольных месторождений. Они тянутся цепочкой с юго-запада на северо-восток. Крупнейшее месторождение — Воркутинское. Его первооткрывателем является охотник В. Я. Попов.

В. Я. Попов в новом доме, построенном ему
правительством

Летом 1919 года Попов, житель деревни Тит, вместе со своим сыном Михаилом промышлял дичь на реке Воркуте.

Воркута возникает далеко за Полярным кругом. Течет она, делая множество изгибов, колен и поворотов. Кругом на сотни километров раскинулась безмолвная тундра. Повсюду торфяники, болота, поросшие мхом, кочки, карликовая растительность по оврагам. Вдали уходят одна за другой пологие гряды и лишь на востоке высится крутая горная гряда, разнообразящая унылую однообразную картину. Где-то далеко-далеко она оканчивается голубоватой кромкой снежных гор. Можно неделями шагать по тундре с холма на холм и не встретить ни одной человеческой души. Разве весной да осенью здесь изредка промчатся олени упряжки пастухов, перегоняющих стада с зимних пастбищ на летние или обратно.

— Желание добыть дичи и угроза голодной зимы гнали нас все дальше,— рассказывал позднее В. Я. Попов.— И вдруг привалила небывалая удача. В несколько приемов мы сбили сотни полторы гусей, засолили их и погрузили в лодку. Лодка осела почти до краев. Перед дальней дорогой решили отдохнуть ночь и уж утром двинулись.

нуться обратно. Развели костер, и я,— вспоминал Попов,— пошел по берегу собирать сухие сучья. В одном месте берег осыпался, и я чуть не оступился. Присел и глазам не верю: в холодной скользкой земле лежали куски угля, точно такого же, какой мне довелось видеть на железной дороге, когда гнали меня на войну.

Только в 1921 году В. Я. Попов еще раз побывал в этих местах, набрал «камня жизни» в мешок и отправил в Москву, В. И. Ленину. Ученые в этой посылке признали превосходный уголь. Летом 1930 года на Воркуту отправилась экспедиция геологической партии Г. А. Чернова, сына профессора А. А. Чернова. Попов взялся доставить экспедицию по реке и показать тот «камень жизни», который он не раз видел, пробираясь с сыном на охоту.

В разгар короткого полярного, но жаркого лета началось наступление на Воркуту. На каждый километр Воркуты приходилось по нескольку порогов. Люди на себе тащили через пороги и мели лодки, нагруженные всяkim скарбом, техническим оборудованием и строительными материалами. То справа, то слева берега порожистой реки прорезали глубокие овраги и лощины, заросшие густым низкорослым кустарником. В затемненных местах все еще лежал плотный снег, по которому было легче идти, чем по каменистому берегу.

Точно листы гигантских книг, по берегам лежали слои горных пород, то там, то здесь выступающие наружу. Река обнажала основные пермские породы, обычно сопутствующие каменным углям. Тридцать четыре обнажения насчитали и изучили геологи, но угля не нашли. Лишь на сотом километре, в том месте, где река делает крутой изгиб, пристально рассматривая обрывистый берег реки, геологи заметили несколько черных блестящих прослоек. Угольные прослойки прорезали породу и уходили далеко под воду. Некоторые из них достигали метра в толщину. Сложеный в кучу уголь загорелся от нескольких зажженных щепок,— он оказался первосортным. Над костром повесили котелок, в котором скоро закипела вода.

Осенью 1930 года началось строительство шахт. За время короткой навигации, длившейся всего 85—90 дней, нужно было завезти тысячи тонн грузов. Всю зиму на пустынном речном берегу работали крелиусные станки. В палатках при свете коптилок велась камеральная об-

работка образцов, добытых из скважин. Проходка шахт велась в вечной мерзлоте. Зима на долгие месяцы прервала сообщение Воркуты с остальным миром. В пургу от жилья до шахт рабочие пробирались по протянутому канату. Весной следующего года пришли строители. Они срубили первый дом, печи в котором топили углем из первого шурфа.

С 1931 года впервые на севере РСФСР началась добыча угля из Еджыд-Кыртинского месторождения, расположенного на берегу Печоры.

По безмолвным просторам Большеземельской тундры, перевалив через отроги седого Урала, из Салехарда к реке Воркуте шли все новые отряды строителей Заполярной кочегарки. Топи и бездорожье заставили бросить за 150 километров от Воркуты повозки и походные кухни. Продукты, палатки и инструменты люди несли на себе. Уходило два, а то и три месяца, пока поток грузов достигал первого в Заполярье поселка Рудник. Грузы шли из Архангельска до Нарьян-Мара морем, потом по реке Печоре и Усе до перевалочной базы Воркута — Вом и, наконец, 70 километров по тундре на северо-восток, к месту, где была заложена шахта № 1/2.

В 1933 году промышленность и Северный морской флот получили первый печенский уголь. Газета «Известия» писала: «В Архангельск 28 июля прибыл грузовоз «Свердлов», доставивший в Архангельский порт первую партию печенского угля для Северного флота. Рейс «Свердлова» заменил два угольных маршрута из Донбасса».

В 1934 году была введена в эксплуатацию первая шахта на Воркуте. Печорский угольный бассейн, занимая около 100 тысяч квадратных километров, или три пятых территории Коми АССР, расположен в северной части европейской территории Советского Союза. Границами его являются: на севере — Печорское и Карское моря, на юго-востоке — Полярный Урал и на западе — гряда Чернышева. Большая часть бассейна лежит севернее Полярного круга, в зоне вечной мерзлоты, в Большеземельской тундре. Исследования профессора А. А. Чернова в 1933 году показали, что по юго-западному склону Пай-Хоя — этого невысокого хребта, отходящего от Полярного Урала, по Югорскому полуострову тянется угленосная полоса, пересекаемая Янгареем, Хей-Ягой и Нямдой, правыми притоками реки Коротаихи.

Судя по ископаемым остаткам животных и растений, в здешних широтах 5—6 тысяч лет тому назад произошло значительное потепление. Наступил так называемый атлантический период развития земли. Примерно 3—4 тысячи лет назад климат снова ухудшился и край постепенно начал терять лесной покров и превращаться в суровую и холодную пустыню, долго остававшуюся малобитаемой.

В XV веке через Большеземельскую тундру был проложен путь в легендарную Мангазею, славившуюся обилием пушнины. Для охраны этого пути строились «крепостцы», явившиеся первыми местными поселениями (Роговской городок). Однако суровые условия края задерживали его освоение и развитие. Туда пытались проникнуть только неутомимые исследователи, жаждавшие познать природу, жизнь и недра этого обширного и неизведанного района. Одним из первых ученых, обследовавших Большеземельскую тундру и Полярный Урал, был член Русского географического общества геолог Э. Гофман. Его экспедиции в 1847, 1848 и 1850 годах проделали огромную работу, в результате которой появилась первая географическая карта края, описание его природы и быта местных оленеводов.

По всей поверхности бассейна разбросано бесконечное количество холмов и гряд — следов древнего оледенения. Этот мощный ледовый покров при таянии оставил принесенные им породы и образовал хаотически разбросанные возвышенности. Как волны внезапно застывшего моря, раскинулись они по бескрайнему простору тундры.

Территория Печорского края подвергалась оледенению в четвертичном периоде. Ледники нагромоздили принесенную с севера моренную тряду «Му-Сюр», что в переводе с коми означает «Земляной хребет». Особенно большие ледниковые наносы встречаются в пониженных частях Полярного Урала. Поэтому-то угленосные пласти на Воркуте залегают иногда под ледовыми отложениями.

Общие запасы Печорского бассейна составляют 7 процентов от всех запасов углей в СССР и 51,3 процента от запасов европейской части Советского Союза. Утвержденные балансовые запасы печорских углей достигают 262 миллиардов тонн (в том числе 82 миллиарда тонн

коксующихся) — на 72 миллиарда больше, чем в Донецком бассейне. Таким образом, Печорский угольный бассейн занимает первое место в европейской части Советского Союза, а среди действующих бассейнов страны — второе после Кузнецкого.

В 1956 году здесь было добыто около 16 миллионов тонн угля. Это больше, чем дает вся угольная промышленность Канады. В 1960 году добыча возрастет до 20—22 миллионов тонн, то есть приблизится к уровню добычи дореволюционного Донбасса. В 1970 году она достигнет 55—60 миллионов тонн, столько, сколько дает сейчас вся угольная промышленность Франции или Японии.

Сейчас в Печорском бассейне 34 действующие шахты. Все они похожи на современные заводы. Наземные и подземные работы механизированы по последнему слову горной техники. В глубоких забоях гудят, вгрызаясь в пласти, могучие угольные комбайны, и глыбы угля, отливая черным блеском, текут по конвейерам к месту погрузки. Здесь широко распространены все марки углей, от бурых до полуантрацитов. Некоторые месторождения содержат прекрасные коксующиеся угли, пригодные для металлургической промышленности. Они могли бы обеспечить технологическим топливом не только Череповецкий металлургический завод, но и промышленные предприятия Северного и даже Среднего Урала, где испытывается нужда в коксующихся углях. Между тем еще до сих пор на северо-уральские заводы технологическое топливо завозится за две тысячи километров, из Кузбасса, тогда как печорский уголь находится вдвое ближе.

Анализ воркутинских углей показал блестящие результаты. По калорийности уголь северных месторождений занимает второе место после Кузбасса. Влаги в нем оказалось до 3, а золы до 9 процентов, летучих веществ до 27 процентов, серы меньше 1 процента. Уголь Воркуты смело может конкурировать с донецким, прославленной марки «ПЖ».

Самое крупное воркутинское месторождение угля лежит в виде гигантской мульды — чаши, в которой можно переплавить все рудные запасы Европы. Это месторождение наиболее изучено. Оно дает больше половины всей добычи Печорского бассейна. Толщина пластов достигает здесь 8 метров.

Всем известно, какую громадную роль сыграли Воркута и Северо-Печорская дорога в самый тяжелый период Отечественной войны, когда Донбасс и Подмосковный угольный бассейн были оккупированы врагом. По протянутой «стальной нитке» — временному пути через тайгу и тундру — непрерывно шли на юг эшелоны с углем, который добывали воркутинские горняки. Осажденный и замерзший Ленинград в дни блокады получал спасительное топливо с берегов далекой Воркуты через Ладогу, по «дороге жизни». Воркутинский уголь в то время согревал также котельные Горького, Вологды и Архангельска, пылал в топках океанских кораблей, доставлявших по северным морям Советскому Союзу боеприпасы и оружие.

Теперь печорский угольный бассейн стал основной базой снабжения топливом промышленности и транспорта Ленинграда и Ленинградской области, которые получают около 50 процентов всего добываемого в Коми республике угля.

Крупными потребителями печорских углей являются также Череповецкий metallurgический завод, Архангельская, Вологодская, Горьковская, Кировская и Мурманская области. На печорском угле работает железная дорога, речной и морской транспорт Европейского севера и северо-запада.

Огромные угольные поля обнаружены во многих районах Печорского края. В ближайшие годы будет заложено еще 30 шахт общей мощностью в 70 миллионов тонн. Основная особенность этих вновь закладываемых шахт заключается в их повышенной мощности. Для Воршагорского месторождения, имеющего особенно мощные пласты, намечено строительство шахт производительностью в 2400 тысяч тонн угля в год. Две такие шахты будут давать угля столько же, сколько сейчас добывают 10 восточных шахт комбината «Воркутуголь». В шестой пятилетке в одной только Воркуте будет введено в строй 7 новых шахт и начнется строительство еще 12.

О промышленных районах Печорского края можно нередко слышать такие отзывы: «Это самые мощные угольные месторождения в северных широтах на всем земном шаре». «Это единственная нефтешахта в СССР». «Это самый северный сажевый завод в мире». И все это действительно так.

Ежегодно исчезают «белые пятна» с геологической карты Печорского бассейна. Но я бы погрешил против правды, не сказав ничего о трудностях. Спросите, например, любого шахтера или инженера, легко ли им работать? Конечно, они скажут, что нелегко. Здесь и мороз, и полярная ночь, и сильные ветры. Много и других трудностей. Все это, конечно, тяжело. Зато какие увлекательные, интереснейшие задачи приходится им решать! И, разумеется, они не променяют этой трудной жизни на более легкую, как не променяют свой родной Север на другие места. В этом нас убеждает прекрасная жизнь профессора А. А. Чернова.

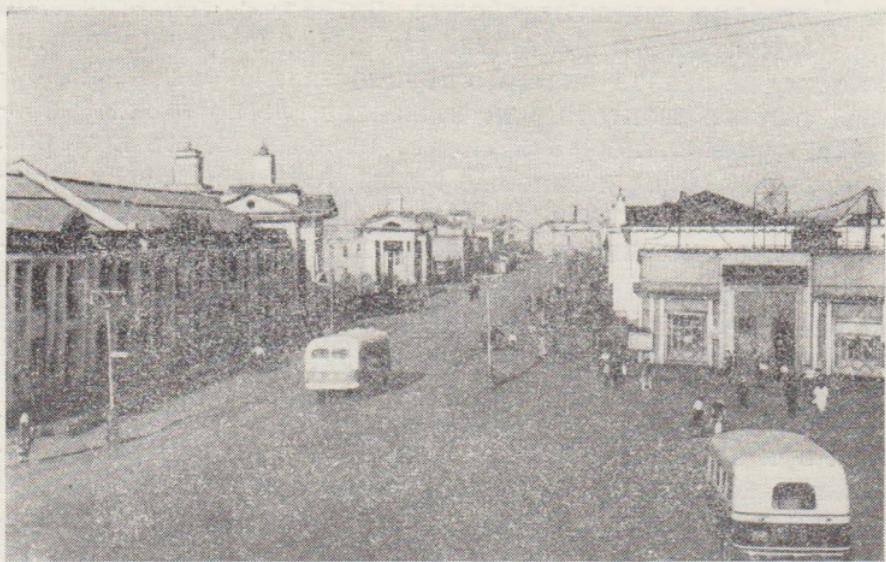
«Мне 80 лет,— говорит он.— Половину жизни я прожил при царизме, половину при Советской власти. Те перемены, которые произошли на Севере за годы Советской власти, поистине изумительны, ведь эти исторические преобразования затронули обширнейшие края с суровыми климатическими условиями. Владимир Ильич Ленин придавал большое значение Северу. Прозорливо он видел его несметные богатства, считая северные земли, так же как и дальневосточные, краями «нашискими».

ВОРКУТА

Город Воркута лежит в долине горной реки Воркуты на высоком ее берегу. Горы отсюда находятся на расстоянии 60—80 километров. На фоне бесконечной тундровой равнины в июльский солнечный день можно видеть, как в синей лазури величественно возвышаются покрытые снеговыми шапками отроги Полярного Урала. За горами, за Елецким перевалом, протекает река Обь. По котловине, образовавшейся между кряжем Чернышева и Полярным Уралом, с юга к городу подходит Печорская железнодорожная магистраль.

Широка панorama строящейся Воркуты. Она простирается на многие десятки километров. В разных концах тундры, как маяки, высятся буровые вышки. Вдаль, насколько хватает глаз, шагают столбы высоковольтных линий.

Воркута — корона Печорского угольного бассейна. Она вся окольцована шахтами. По обоим берегам реки расположились новые кварталы, поднялись остроконечные терриконы — характерный индустриальный пейзаж

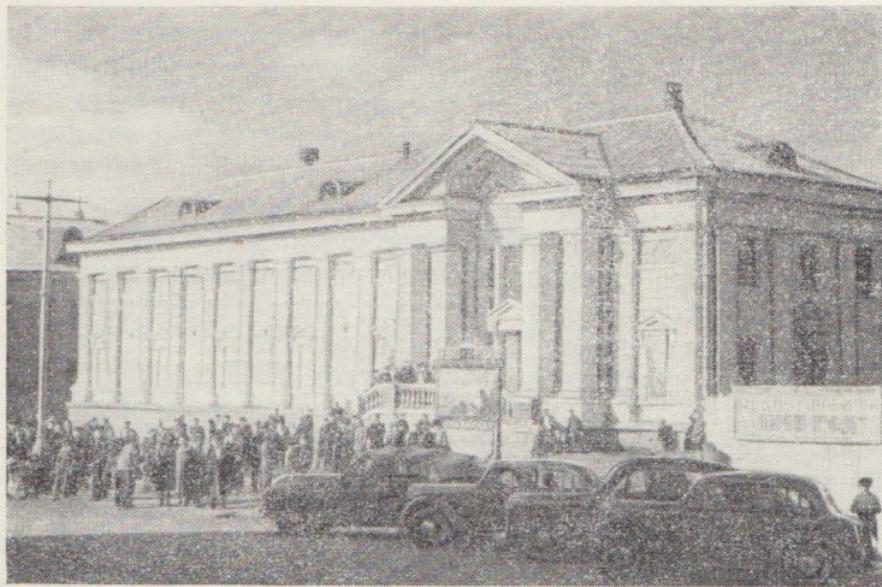
Город Воркута — Комсомольская улица

Заполярной кочегарки, дымятся трубы заводов. Вырос город. Еще в 1934 году в нем было всего 545 жителей, а сейчас здесь более 150 тысяч населения.

Воркута — молодой город. Но у него есть уже и своя история и своя старина. На правом берегу амфитеатром по крутому склону расположились белые мазанки и дома первых строителей. Это рудничный поселок. Там же старейшая шахта, на которой впервые началась добыча угля. Отсюда отправлялась и первая баржа с углем. В декабре 1941 года по новой Печорской магистрали в Воркуту прибыл первый поезд. В тот же день горняки отправили поезд обратно. Он состоял из двух платформ с углем и одного классного вагона.

Новый город строится на левом берегу реки Воркуты. Здесь, на месте бывшего шахтерского поселка горняков шахты «Капитальная», возводятся многоэтажные каменные дома, крыши которых щетинятся антеннами.

С бульвара, по Комсомольской улице, мимо сквера с бронзовой скульптурой С. М. Кирова, мы выходим на Московскую площадь. Здесь берут начало улицы Ленинградская, ведущая к городскому стадиону, и Московская с трехэтажными домами, ведущая к главной, самой благоустроенной магистрали города — улице Ленина.

Кинотеатр „Родина“ в городе Воркуте

На Московской улице размещены здания горкома КПСС, гостиница «Север», почта, универмаг. Эта улица заканчивается площадью Металлистов, неподалеку от механического завода.

Первая очередь улицы Ленина до площади Мира застроена двух- и трехэтажными домами. Тротуары и проезжая часть покрыты бетоном. Вдоль тротуаров посажены деревья.

Из года в год в Воркуте увеличивается объем жилищного строительства. Большое строительство развернулось там, где еще совсем недавно простиралась голая тундра. Только в 1957 году построено 200 тысяч квадратных метров жилой площади — в полтора раза больше, чем за всю пятую пятилетку. В 1958 году в северном районе города сооружена ажурная башня телевизионного центра высотой в 150 метров. Это первый телецентр в Заполярье.

В том месте, где В. Я. Попов обнаружил выходы угля, сейчас находится плотина ТЭЦ-1. За ней появилась ТЭЦ-2. При строительстве ТЭЦ-2 людям пришлось преодолевать строптивый характер реки Воркуты. Уровень полой воды в 1955 году поднялся над дном котлована на целых 7 метров. До перемычки оставалось не больше

15 сантиметров. Создалось напряженное положение. Насосы едва успевали откачивать воду, но строительные работы шли днем и ночью, не прекращаясь ни на один час. В январе 1956 года вода прорвала перемычку и затопила центральный котлован. Все работы в котловане пришлось приостановить, а до весеннего половодья оставалось только 4 месяца. За это время надо было уложить столько бетона, сколько уложили его за предыдущие полтора года. Но строители твердо верили в успех и победили. Высокие воды в ледоход прошли через уже законченные сооружения, и вскоре состоялся пуск ТЭЦ-2.

Теперь город по вечерам ярко освещен и зимой на фоне полярного сияния выглядит совершенно сказочным. По электролиниям ток идет на шахты-новостройки, на строительные площадки в Хальмер-Ю, Юнь-Яге, Воргашоре, к буровым вышкам, разбросанным по необъятной тундре.

Мы зашли в книжный магазин. Над прилавком чудесные слова: «Книги подобны огню в наших очагах: мы берем этот огонь у других, он принадлежит всем». У прилавка слышим просьбу покупателя:

— Покажите однотомник Тютчева!

Эти слова вызвали в памяти строки:

«В Сыртах не встретишь Геликона,
На льдине лавр не расцветет,
У чукчей нет Анакреона,
К зырянам Тютчев не придет...»

Так в прошлом столетии писал дворянский поэт-лирик Фет. Нет, дошли сюда и Тютчев, и классики русской и мировой литературы, и произведения советских писателей.

В Воркуте среди красивых зданий особо выделяются драматический театр, чей десятилетний юбилей отмечался недавно, закрытый плавательный бассейн, стадион «Динамо», окруженный высокими колоннами и арками. В день нашего приезда в театре шла пьеса «Кремлевские куранты».

В городе открыты Горный техникум, Горнопромышленное училище, 5 средних школ рабочей молодежи, консультационный пункт Всесоюзного заочного политехнического института. С 1935 года работает мерзлотная станция Академии наук СССР.

За стадионом, на другом берегу реки, там, где с плотины с шумом падают бурлящие воды Воркуты, находится опытная сельскохозяйственная станция. 67-я параллель не балует теплом. Средняя годовая температура в Воркуте — 5,6 градуса. Зимой 114 дней метет пурга, скорость ветра порой достигает 42 метров в секунду. 20 суток почти совсем не бывает дня. Но все это не смущает энтузиастов. Около 10 лет назад при комбинате «Воркутуголь» было создано тепличное хозяйство, которое вырастило тысячи центнеров свежих овощей. Только в 1957 году собрано около двух тысяч центнеров. Город ежедневно получает также овощи закрытого грунта из совхоза «Центральный», имеющего 6670 квадратных метров теплиц. Коллектив тепличного хозяйства трижды участвовал во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Было получено по 14 килограммов огурцов с одного квадратного метра теплицы. Это доказывает, что и заполярная тundra пригодна для ведения культурного сельского хозяйства.

Мы приехали в Воркуту в самый разгар дивного полярного лета, с его самой прекрасной приметой — незаходящим солнцем. Лето за Полярным кругом короткое, но несет так много света, что, кажется, видишь, как вздрагивают бутоны желтых лютиков, открывая свои блестящие лепестки.

Воркута — это северный Донбасс. В августе, когда москвичи гуляют в белых костюмах, здесь иногда выпадает снег. Даже летом, когда скудные равнины преображаются, воркутинцы из окон видят синевато-зеленые льды, застывшие в расщелинах горных склонов Полярного Урала.

Зимой здесь наметает сугробы снега, преграждающие путь паровозам. Но при любой погоде, при любой температуре из лабиринта шахт, пробитых в слое вечной мерзлоты, подается на-гора уголь.

ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Печорская долина, по которой течет река, обширна. Общая площадь печорских пойм, пригодных для освоения, определяется в 500 тысяч гектаров. Ширина их достигает 5 километров. На пойме заливные луга. Подолгу стоят на них вешние воды. Скатываясь, они оставляют на лугах плодородный ил. В середине лета с гор прихо-

Ижемский кружок самодеятельности готовится к празднику песни
дит дождевая вода, снова заливая низкие пойменные луга.
Пышное разнотравье растет по заливным лугам вдоль
Печоры, покрывая ее берега зеленым ковром. Черная и
красная смородина, ежевика, калина прячутся среди за-
рослей черемухи. Ветер разносит настой печорских трав.
Особенно широки пойменные террасы на средней и ниж-
ней Печоре и ее притоках — Усе, Кожве, Ижме.

Как-то мы прошлись по лугам. Колыхалось накинутое
на землю темно-зеленое шелковое покрывало, сотканное
из сultanчиков тимофеевки, осыпанных мельчайшей се-
ребристой пылью, бархатистых метелок костра, пушисто-
го лисохвоста. Попадались белая полевица, мятыник и
вьющиеся бобовые растения. На поймах Печоры и ее
притоках растет и дикий клевер, известный под назва-
нием печорского клевера, и овсяница луговая, и еще
много других трав.

Средняя Печора обладает наиболее развитыми доли-
нами и удобна для развития земледелия. Но этому рань-
ше придавали мало значения. В 1912 году во всем
Печорском крае посевная площадь едва составляла 3 ты-
сячи гектаров. Земледелие на Печоре возникло на ее ко-
ренных берегах, почвы которых богаты известью, содер-

Колхоз „Победа“. Дети на прогулке

жат много перегноя и по своему плодородию могут быть названы «северными черноземами». Но здесь издавна господствовало убеждение, что урожай овощей на Печоре немыслим. Обычно ссылались на заболоченную почву, на суровые морозы и короткое лето. Заполярный совхоз «Косью» опроверг подобные утверждения. В суровых природных условиях здесь созревают помидоры, огурцы, турнепс, капуста, картофель, перец, лук, свекла, вытеснив мхи и болульники. На далекий Север проникают все новые культуры, родиной которых всегда считалась средняя полоса России.

Печорская опытная сельскохозяйственная станция в Усть-Цильме вывела породную группу печорских полуторакорунных овец. Живой вес маток достигает 56 килограммов, а настриг шерсти — более 3 килограммов. Станция уже передала 317 племенных баранов и овец колхозам республики.

Если до революции почти все сельское хозяйство размещалось на юге республики, то в годы Советской власти оно стало развиваться на всей территории Коми АССР. По производству животноводческой продукции (мяса и молока), приходящейся на 100 гектаров угодий

(в переводе на молоко), Ижемский, Усть-Усинский и Кожвинский районы не только достигли, но и, образно говоря, уже перегнали Америку. На 100 гектаров угодий в Коми АССР производится 400—500 центнеров молока, в то время как в среднем по США производство этой продукции в переводе на молоко не превышает 385 центнеров.

Почти достигнув близ Усть-Усы Полярного круга, Печора резко поворачивает на юго-запад, словно не решаясь войти в зону вечной мерзлоты. До следующего поворота на север остается еще около 400 километров. Река становится значительно шире и выглядит особенно мощной. По площади водосбора правый берег значительно преобладает над левым. Это положение сохраняется на всем нижнем течении. В 12 километрах от Усть-Усы расположен затон Ошкуря. В селе Щелья-Бож многие крестьяне одеты в тобоки — обувь из оленьих шкур. Это и понятно: оленеводство для местных жителей — ведущая отрасль хозяйства.

По широкой ленте Печоры медленно плывет буксир с плотами. Бежит юркий катер, везущий почту и пассажиров. Вот уже виднеется и деревня Захар-Вань, которую окружают такие плоские ровные берега, что кажется поднимись вода Печоры на несколько метров, и она зальет весь край. Сравнительно недавно эти места славились раскольничими скитами и полудикой уединенностью небольших поселений. Леса вдалеке выглядят мелкими, разорванными. Но это впечатление обманчиво. Полоса тайги еще не кончилась.

Река изгибается и поворачивает, как бы намереваясь возвратиться на юг. Она течет мимо пристани Денисовки и Копач-Курья. После села Мутный материк с населением свыше 1000 человек проходим мимо села Чарка-Бож и пристаем к пристани села Кипиевского. Сходим на берег. Полуденное солнце заливает своими лучами обширную пойму. Аромат сосновой хвои струится от прогретого бора. Золотистые сосны покрыты выступившими каплями смолы и весело смотрят на печенскую ширь.

Но вот короткая стоянка уже позади. Пароходный винт разбивает гладкие речные воды. У пристани Кычкар река поворачивает на запад. Через 120 километров, обогнув Сосвинский хребет, она снова поворачивает под

прямым углом и до самого устья течет теперь строго на север.

В белую летнюю ночь прозрачные синеватые сумерки окутывают притихшие берега. Догорающий на горизонте нежнейший опаловый луч солнца скользит по застывшей воде. Чуть дрожит, точно живой, причудливый узор черных отражений, которые бросают берега на зеркальную поверхность реки. В эти часы над завороженной водой и берегами стоит особенная, какая-то чарующая, хрупкая и звонкая, как хрусталь, тишина. Всплеснет изредка рыба, сорвется из кустов, испуганно хлопая крыльями, утка, поступит дятел о дерево — и снова тихо.

Пароход минует пристань Боровую. Впереди показывается судно. Раздаются басовитые гудки — сигнал расхождения. Вскоре позади остается и пристань Пыча. В селе Няша-Бож, на правом берегу, мы смотрим, как строят баржи. На левом берегу старая, существующая с 1918 года, пристань — затон Щелья-Юр. Это довольно оживленное место. На зимний ремонт сюда приходит более ста паровых судов, барж и более мелких судов. Речной техникум готовит судоводителей и механиков.

Через 28 километров в Печору слева впадает река Ижма.

РЕКА ИЖМА

Ижма, самый крупный левобережный приток Печоры, берет начало на Урале. Река протекает среди необозримой шири лесов, местами она порожиста, но почти на всем протяжении пригодна для сплава леса. Берега Ижмы и ее притоков, этой колыбели кочующих туманов, полных дичи, хранят большие залежи серного колчедана. Руда эта, по определению академика Ферсмана, отличается высоким содержанием серы.

Общая длина Ижмы около 512 километров. Площадь бассейна 32 600 квадратных километров. Наиболее крупные притоки Ижмы: река Ухта длиною в 160 километров, по ней возможно судоходство; река Виджу — 32 километра, Кой-Ю — 37 километров, Большой Изман — 32 километра.

По берегам Ижмы длинными рядами тянутся одно за другим селения. Везде солидные бревенчатые дома с высокими двухскатными крышами.

Гора Крутая на Ижме — историческое место. В истории гражданской войны она получила название Изваильской крепости. Здесь под руководством братьев Д. Д. и П. Д. Уляшевых и А. П. Шомысова партизаны мужественно защищали деревню от вооруженных до зубов интервентов. Однако героическое сопротивление партизан Коми было сломлено превосходящей силой врага. Англоамериканские интервенты зверски замучили и бросили в прорубь изваильских партизан. Местный писатель И. И. Потолицын написал об этом событии героическую трагедию «Изваильская крепость», а в колхозном селе Изваиль Ухтинского района воздвигнут памятник героям-партизанам, защитникам Изваильской крепости, павшим в 1919 году от рук интервентов и белобандитов. Стойкий обелиск увенчан металлической звездой и укрыт гербом Коми АССР. Фамилии 12 павших партизан золотом начертаны на одной стороне монумента. Металлическая ограда окружает памятник.

Сейчас на горе Крутой, в 90 километрах от Ухты, расположен завод самой высококачественной сажи. Завод построен во время Отечественной войны и пущен в 1943 году.

В 82 километрах от устья Ижмы раскинулось старинное печорское село, живописно разбросавшее свои постройки на высоком берегу, среди зеленых сосен и елей. Основание села Ижмы, судя по летописям, относится к 1567 году. На протяжении столетий Ижма являлась подлинным центром Печорского края — здесь проходил Великий торговый путь в Сибирь.

Примерно в 250 километрах от устья Ижмы вырос самый молодой город северных сажевиков Сосногорск — младший брат Ухты. Первоначально он носил название Ижмы, получив его, как Ухта и Воркута, от реки, на которой возник. В канун 40-летия Великого Октября ему дали новое название — Сосногорск.

Сосногорск — это крупная станция на Печорской железнодорожной магистрали. В городе — гостиница, монументальный дом культуры, магазины, много красивых жилых домов. Людской поток постоянно заполняет улицы. Интенсивный ритм жизни — главная примета города. Сосногорск — кузница новых культурных кадров для Печорского края. Здесь педагогическое училище готовит учителей для начальных школ. Здесь же открыты зоове-

Оленья упряжка на улице города Сосногорска

теринарный техникум и научно-исследовательская станция по оленеводству, работает второй в республике передвижной колхозно-совхозный театр.

Город украшают новые большие здания кинотеатра, клуба, библиотеки, автомотоклуба, дома отдыха железнодорожников, среди которых потерялись хоромы бывших ижемских богатеев. Еще в 1941 году здесь не было ни одного колодца и за водой ходили на реку. Теперь несколько артезианских скважин дают чистую прозрачную воду, кроме этого, предполагается постройка и водопровода. Собственная электростанция освещает сильно разросшийся город, и по вечерам он сияет яркими огнями.

В Сосногорске на базе природного газа создана сажевая промышленность. Сажа идет отсюда не только во многие города Советского Союза — в Ярославль, Москву, Ленинград, Киров, Свердловск, но и в Прагу, Софию, в далекий Китай.

В обычном понимании сажа — это черное, пачкающее вещество, на первый взгляд ничего особенного собой не представляющее. Однако без сажи нельзя изготовить ни автомобильную камеру, ни кабель для проводов, ни резиновую обувь, ни различные заменители кожи. Возьмите любую автопокрышку, и вы не ошибетесь, сказав:

Оленеводы

«В изготовлении ее участвовали сажевики Сосногорска или Крутой». В большинстве резиновых изделий сажа составляет 50 %. Она необходима и для изготовления красок в полиграфической промышленности, без нее не могут обойтись и металлурги.

Природный газ и сейчас широко применяется в различных отраслях промышленности. После же майского Пленума ЦК КПСС его применение в качестве химического сырья для производства синтетического каучука, синтетических жиров, искусственной кожи и волокна, в коммунальном хозяйстве и т. п. резко увеличится. Повысится и значение сосновогорского природного газа. Но уже и теперь на карте мира нет такой местности, где бы так высока была доля переработки газа, как в Ухтинском районе.

НЕФТЯНОЕ БОГАТСТВО

В Ижму впадает ставшая знаменитой река Ухта. На ней сосредоточены широко известные нефтяные промыслы. Река эта — «одна из красивейших рек Севера России», как вполне заслуженно называл ее академик Ф. Н. Чернышев.

Покрытый мохнатой шапкой елей и сосен, Тиманский кряж сотнями километров непролазных болот и непроходимых лесов отгородился от железной дороги. Здесь-то, в сердце гор, и течет прихотливо Ухта. Она берет начало с водораздельной гряды, разделяющей бассейн рек Печоры и Вычегды. Зажатая крутыми боками гор Ухта то пенится на перекатах в высоких скалистых берегах, то бесконечно плутает в лесах по узкой и глубокой долине, пока не доберется до Ижмы. Бассейн ее равняется 5132 квадратным километрам, длина 160 километрам.

Весной в долине Ухты цветут робкие шестилепестковые шиповники. Над цветами толпятся белые березы, такие нежные на фоне суровой хвойной зелени. Ближайшие озера красны от настоя хвои. Прозрачны родниковые воды горных ручьев и речек.

Летом ковры изумрудного мха и припудренная голубика с черникой стелются на хвойном перегное. Стоят наполненные звоном комаров круглые белые дни, и кажется, что ночь где-то застяла и никак не доберется до этих глухих мест. Непуганный зверь и птица были вековыми хозяевами дремучих лесов, окружающих реку.

Зимой здесь дуют свирепые ветры. Метут морозные выюги, опускается непроглядная тьма приполярной ночи. Изредка небосклон рацвечивается полярным сиянием.

Воды Ухты и ее притоков — Чибью, Ярега, Половиной-Иоль, Нефти-Иоль — несут на себе радужные пятна нефти. Более ста лет назад берега Ухты и ее притока Чибью, что в переводе с языка коми значит «игрушечный конек», являлись местом усиленных поисков нефти, известной еще со времен Ивана Грозного. И действительно, в районе Ухты была найдена первая известная в пределах старой России нефть. В книге голландца Н. К. Витсена «Северная и Восточная Татария», изданной в 1692 году в Амстердаме, есть такая запись: «Река Ухта отстоит от Печоры на одни сутки. На этой реке на полторы мили от волока есть мелкое место, где из воды выделяется жир, представляющий черную нефть; здесь-то и находят доманик¹, который горит наподобие свечи, издавая от себя черный цвет».

¹ Название «доманик» происходит от реки Доманик на южном Тимане.

Крутые высокие берега Ухты и ее притоков сложены из доманика — битуминозных сланцев и известняков — слоистого камня темно-коричневого цвета. Это и есть те горючие сланцы, которые еще в 1697 году Петр Первый отправлял на экспертизу в Голландию.

Первые попытки промышленной добычи ухтинской нефти относятся к началу XVIII в. В дремучих дебрях мезенский житель Григорий Черепанов в 1721 году натолкнулся на чистый нефтяной ключ и сообщил об этом в Петербург. В 1745 году московский купец Ф. С. Прядунов построил там первый нефтеперегонный завод, примитивными и кустарными методами добывая ухтинскую нефть.

По первопутку с Ухты ежедневно уходили в Москву санные обозы с нефтью, которая потом отправлялась даже за границу. Однако таежный промысел просуществовал недолго. Федор Прядунов умер в московской тюрьме, куда был посажен за неуплату десятинных денег в сумме 35 рублей 32 копеек за нефть, добытую в 1751 году.

Бурил на Ухте сохранившуюся до наших дней нефтяную скважину и М. К. Сидоров. Он истратил почти все свое состояние, но нефтяного производства так и не организовал. В 1889 году на берега Ухты была снаряжена крупная Тиманская экспедиция. Она еще раз подтвердила наличие нефти, но попытки промышленной ее разработки постоянно терпели крах. Где там было освоить Север мелкому русскому капиталу, когда ему противостоял иностранный капитал Нобеля и Ротшильдов. Недаром еще в 1909 году А. Панкратов в своей книге «Миллионы в земле» писал: «Она (Ухта.—Н. М.) стоит печальная, пустая, заброшенная, как околодованная... Чудится, что никто к ней безнаказанно не подойдет, не подъедет. Старый злой волшебник Нобель знает заговорное слово... Печальные лиственицы протягивают с мольбой свои черные голые руки, зовут кого-то... когда придет рыцарь и своей энергией и силой разрушит чары...»

Наконец-то на Ухту пришел долгожданный рыцарь в лице советского геолога. То что было не под силу одиночкам, стало по плечу великому народу.

Седыми перестойными лесами укрыт обширнейший Печорский край, но его сегодняшний индустриальный облик прозорливо разглядел В. И. Ленин. В воспоминаниях о великом вожде академик И. М. Губкин рассказывает, что после Октябрьской революции ему была передана ру-

копись о северной нефти с многочисленными пометками самого Ленина. Уже в то время на Печоре были начаты серьезные изыскательские работы, и только иностранные интервенты, высадившиеся в Архангельске, помешали их продолжению. Когда Север был очищен от захватчиков, Высшему Совету Народного Хозяйства было вновь поручено представить в Совнарком предложения об углях и нефти Печорского края. 9 марта 1920 года В. И. Ленин телеграфировал в Архангельск: «Постарайтесь разыскать или поручите разыскать печатные материалы и отчеты о нефтеподробном районе реки Ухты...»¹ Весной следующего года на Печору была снаряжена специальная геологоразведочная экспедиция, которую возглавлял профессор Александр Александрович Чернов.

В 1929 году в район Ухты снова отправилась крупная экспедиция. 20 августа головной отряд экспедиции, преодолевая бездорожье, добрался до сказочной Ухты. Кому довелось с топором в руках пробираться через буреломы, переходить вброд реки, спасаться от гнуса, тот легко может себе представить, что испытали люди в таежных краях Ухты. Это был очень трудный, изнурительный поход. Ноги с трудом преодолевали препятствия, рюкзаки становились невыносимо тяжелыми, а плечи немели от врезающихся в них лямок. И все же члены экспедиции проникли туда, где раньше никогда не ступала нога человека. Тайга жила своей старой, сбитой веками жизнью. И вот в этот размеренный порядок лесной жизни ворвалась другой неведомый и неслыханный доселе звук, грохот механизмов буровых станков. Одновременно строители выкорчевали большую площадь для будущего города.

Уже в октябре 1930 года была получена первая промышленная нефть. Забытый, заброшенный таежный район, которым заинтересовался еще В. И. Ленин, превратился ныне в крупный промышленный район. Повсюду стоят в тайге нефтяные вышки. Невдалеке от скважины Сидорова, пробуренной еще во второй половине прошлого столетия, теперь эксплуатируются нефтяные шахты. Ежегодно они дают тысячи тонн тяжелой самотечной нефти, из которой на Ухтинском нефтеперерабатывающем заводе извлекают бензин, керосин и смазочные масла. Раньше никому не давалась ухтинская нефть. Загадку Ухты

¹ Ленинский сборник, т. XXIV, стр. 85.

Город Ухта — Октябрьская улица

разгадали советские геологи и ученые. Установлено, что нефтеносная ухтинская складка достигает свыше трех тысяч квадратных километров, а общие запасы ухтинской нефти определяются в сотни миллионов тонн. Чрезвычайно богатым оказался Тиман, миллион лет назад бывший берегом теплого моря. Исчезло древнейшее море, разрушились горы, но ничто не уходит бесследно. По условиям образования нефти и газа Тимано-Печорская нефтегазоносная территория является непосредственным продолжением Волго-Уральской нефтегазоносной области.

В 1932 году на реке Яреге и в бассейне Средней Печоры открыты месторождения тяжелой нефти, залегающей на очень малой глубине. Новым оказалось то, что битумы залегают здесь не только в древнейших девонских отложениях, как на Тимане, но и в каменноугольных и в пермских отложениях. Месторождения нефти открыты и в районе Нижней Кожвы, на Югыцы. Здесь нефтью пропитаны пласти горных пород.

Центр нефтепромыслов — город Ухта. Ему всего 14 лет. Город поднялся над окружающей тайгой высокими кварталами, застроенными домами из зеленовато-серого камня, гармонично сливающимися с белесо-изумрудной тайгой и светлой синевой северного неба. Главная улица

Город Ухта — здание средней школы

города названа в ознаменование 20-летия Октябрьской революции. Недавно возникла новая улица Мира. В центре города высятся большие здания театра, средней школы, горно-нефтяного и железнодорожного техникумов. Почти рядом красуется здание универмага. В Ухте прекрасный стадион и Парк культуры и отдыха. Очень красив Дворец пионеров.

С вершины Пионер-горы открывается живописная панорама. Высятся корпуса механического завода, протянулись изогнутые трубы нефтеперерабатывающего завода, стоит огромное здание ТЭЦ. И всюду, куда достает взгляд, видны взметнувшиеся вверх башенные краны — непременная принадлежность строек. Только за последние пять лет в городе построено около 50 тысяч квадратных метров новой жилой площади. Скоро в Ухте появится и новый вокзал. В пойме реки Чибью планируется второй парк. Расчищается русло реки, укрепляются ее берега. Из Ухты в Вой-Вож по гравийному тракту среди мелкорослой тайги бежит дорога. Сбоку размашистыми тупоугольными изломами змеится подвесной газопровод.

Ухта не только центр нефтепромыслов, но и центр геологических исследований недр всей Тимано-Печор-

ской газонефтеносной территории. Геологические партии треста «Ухтанефтегеофизика» ведут разведку нефти и газа на площади в 200 с лишним тысяч квадратных километров.

В нескольких десятках километров от Ухты на Яреге мы видим террикон с поднимающейся на его вершину вагонеткой и думаем, что это угольная шахта. Оказывается, совсем нет! Шахта эта не угольная, а нефтяная. Одна из трех в Советском Союзе нефтешахт, построенных на Ярегском месторождении, в тех местах, где двадцать лет назад в лесной чащобе раздавались лишь выстрелы одиночных охотников.

Нефтешахта механизирована и электрифицирована. Спустившегося в шахту поражает ее малолюдность, не то что в угольных шахтах. Здесь царят чистота и тишина, нарушаемая лишь ритмичным шумом машин и насосов. Ярегская нефть — тяжелая, вязкая, застывает у самого устья скважины, так что ее можно брать лопатой. Поднять такую нефть на поверхность очень трудно. Это и подало мысль заложить шахту, «спуститься под землю» и там пробурить скважину.

Опускаясь в шахту на лифте, можно проследить все наслаждение пород, нарисованных в разрезе цветными узорами. Среди них выделяются черные блестящие пластины, из которых пузырчатыми каплями сочится нефть. В забое на стенах в шахматном порядке пробурены скважины. Под давлением вышележащих горных пород из них медленно выползает густая, тяжелая, липкая нефть и падает в желоба с водой. Вода несет нефть к стволу шахты. Здесь происходит отделение нефти от песка, воды и газа. Затем нефть, чтобы снизить ее вязкость, подогревается и насосами подается наверх. Добытая нефть направляется в Ухту.

Ухта — родина шахтной добычи нефти. В свое время эту новую технологию разработали ухтинские инженеры. А теперь она еще более усовершенствована путем внедрения уклонно-скваженной системы добычи. Таким образом, люди проникли в самый нефтяной пласт, куда ведет обычный, как и на всякой шахте, штрек. Потом путь идет под уклон, к галерее, где бурятся подземные скважины. Работу эту выполняют специальные станки — детище конструкторской мысли инженеров Ухтинского комбината. С поверхности бурили 525 метров, а добывали всего

8 процентов нефти. В шахте бурят скважины всего в 40 метров и извлекают из очагов до 20 процентов нефти.

Случайно была открыта радиевая вода Ухты, о которой раньше ходило столько легенд. Рассказывают, что одинокие охотники пробирались к ключу чудесной воды и излечивали застарелый ревматизм и другие болезни. В 1926 году ленинградский геолог А. А. Черепенников доставил с Ухты бутыль с пробой этой воды. При анализе было обнаружено высокое содержание в ней радия. Когда лучшие ученые нашей страны стали искать способ извлечения радия из ухтинских радиевых вод, то слухи об этом за границей вызвали скептические улыбки многих авторитетов. Но прошло несколько лет, и в таежной глупи стали добывать из воды радий и сухую его соль — мезоторий.

В тяжелом металлическом сейфе хранится толстостенный свинцовый ящик. В нем лежит маленькая стеклянная трубочка с мезоторием. С величайшей осторожностью очень бережно извлекают пробирку. Эта осторожность понятна — в пробирке находится несколько миллиграммов особо драгоценного серебристого порошка. Гасится электричество. Кругом полный мрак, а на стеклянном маленьком столике все ярче разгорается голубоватый свет. Нас просят плотно закрыть глаза и прикладывают пробирку с радием к виску. Глаза ослепляет яркая вспышка — лучи радия проникают сквозь кожу и раздражают зрительный нерв.

Добытый радий отвозится в радиевый институт, откуда драгоценный чудодейственный металл распределяется по многочисленным медицинским учреждениям нашей страны.

До сих пор мировой славой в лечении гинекологических, ревматических и других заболеваний пользовались радиевые Гейдельбергские и Крейснахские источники в Германии и Босота в Англии. Ухтинские же радиевые источники содержат значительно более высокую эманацию солей радия, чем в знаменитых немецких и английских источниках. И недалеко то время, когда на базе этих вод в Ухте будет построен крупный курорт союзного значения.

Археологические раскопки в Египте, в древней Персии и Вавилоне показали, что асфальт известен человечеству около пяти тысяч лет. В древнем Египте он применялся

для изготовления консервирующих составов при бальзамировании трупов. В Персии и Вавилоне асфальт использовался как вяжущее вещество, заменявшее цемент при кладке плотин, устройстве каменных полов во дворцах и т. д. Знаменитый правитель Вавилона Навуходоносор широко пользовался асфальтом при возведении из жженого кирпича стен своего дворца, чтобы стены не размывались водами Евфрата. Библейские сказания о чудовищах, населяющих Мертвое море, относятся в действительности к бесформенным глыбам асфальта, оторвавшимся во время землетрясения от морского дна и всплывшим на поверхность.

В отличие от асфальта асфальтиты открыты совсем недавно. Лишь в начале 50-х годов прошлого столетия впервые был описан «асфальтовый уголь», найденный в Шотландии и названный «альбертитом». Асфальтит — естественная горная смола черного или темно-бурого цвета. Ученые предполагают, что он является продуктом нефти, из которой улетучились более легкие части. Асфальтит редко образует большое самостоятельное месторождение, чаще он встречается жилами и вкраплениями. Употребляется он в строительстве, как изоляционный материал в электротехнике, в лакокрасочной и судостроительной промышленности.

В дореволюционной России добыча асфальтита была очень ограничена. В небольшом количестве он добывался на Средней Волге и близ Батуми. В годы Советской власти асфальтиты найдены в Каирове (Башкирия) и на южном берегу Новой Земли. В 1930 году в верховьях реки Ижмы открыто лучшее в Советском Союзе Лек-Кемское месторождение асфальтитов. Оно расположено около деревни Нямод по тракту Ухта — Троицко-Перчorsk.

Одновременно с его промышленной эксплуатацией там организовано и лакобитумное производство.

Несколько слов стоит сказать и о горючих сланцах, распространенных на юг и запад от Ухты, на огромной площади — до 500 квадратных километров. Их пласти местами достигают 55 метров толщины. Эти крупнейшие в СССР месторождения являются частью так называемого горючего пояса. Он прослеживается через Республику Коми, Вологодскую и Горьковскую области и на верхней Волге.

УСТЬ-ЦИЛЬМА

Минуя Нерицу, а затем Гарево, наш пароход подходит к Усть-Цильме — старинному селу, заложенному еще новгородцами. Более тысячи домов села расположены на правом низменном берегу, против устья рек Пижмы и Цильмы.

Местные летописи говорят, что в 1542 году при устье реки Цильмы поселились новгородцы Ивашка Дмитриев Ластка с товарищем Властко. Вскоре к ним присоединились и другие пришельцы из разных мест. Новые поселенцы постепенно обстраивались, завели небольшое хлебопашество, начали промышлять рыбу и дичь.

Ивашка Ластка отправился в Москву «бить челом» великому князю. Ластка просил разрешения поселиться в этих местах и пользоваться их угодьями. Ему разрешили создать слободу и со всех угодий давать оброка в год «по кречету, или по соколу, или деньгами по рублю»¹. Дешево расценил московский князь богатейший край, отдавая его за рубль в руки жадного новгородца, который, нажившись, стал эксплуатировать местное население. В то время здесь начала развиваться торговля. Усть-Цильму нередко посещали иностранцы, особенно англичане. Каждое лето сюда приезжали и чердынские купцы. Они привозили хлеб и другие товары, прибирали постепенно к своим рукам всю торговлю, закабаляя население и превращая большинство местных жителей в своих должников.

Бассейн Цильмы богат ископаемыми. В старины времена здесь находили железные и серебряные руды. Карамзин в «Истории государства Российского» рассказывает, что из печорского серебра в Москве чеканилась «государева» монета. В Воскресенской летописи есть указание о том, что в 1491 году на Цильму посыпались мастеровые «серебро делати и меди», а с ними 240 поморян и сто мермичей (коми) — «дельцов, кому руду копати». В 1497 году Иван III выбил медаль в честь своей дочери Феодосии. Места добычи и выплавки этих руд по Цильме до сих пор называются: «У заводов», «Заводской ручей», устье которого лежит в семи километрах выше реки Рудянки.

¹ С. Мартынов. Печорский край, СПб., 1905.

Предсказания М. В. Ломоносова о том, что на севере должны быть алмазы, подтверждаются открытием богатейших алмазоносных месторождений в Якутии и находками отдельных алмазов в Кomi АССР. В бассейнах рек Мезени, Цильмы, Печорской Пижмы и на других реках Печорского бассейна уже найдено более ста алмазов. По реке Цильме разрабатывается и глинистый сланец. Встречаются кварцевые пески, мощность залегания которых доходит до 30 метров, на протяжении целых 40 километров.

Сейчас Усть-Цильма — центр колхозного района, одно из крупнейших поселений на Печоре. Усть-Цилемский район, так же как Усть-Усинский и Ижемский, район сплошной радиофикации.

Пойма Печоры и ее притоков изобилует прекрасными заливными лугами, хорошей базой для молочного животноводства. Трава густая, высокая, местами по пояс, переплетена диким горошком. Медовым запахом напоен воздух над рекой.

В Усть-Цильме издавна были известны Рыкунские болота, излюбленное место охотников, которые приезжали сюда даже из Москвы. Раньше там и в жаркое лето нельзя было пройти без болотных сапог. Но все это в прошлом. На месте непроходимого болота на 300 гектаров раскинулся зеленый луг, и колхоз собирает на нем первосортное сено. Вдоль реки Пижмы тянется еще более топкое Боровское болото, но скоро и оно превратится в луг.

Печора издавна славилась своим промышленным маслоделием. Здешнее сливочное масло отличается высокой жирностью, сладким вкусом и всегда находило себе широкий спрос на заграничных рынках. В Усть-Цильменском районе началось строительство и механизированного сыроваренного завода. Недалеко от Усть-Цильмы расположился замшевый завод, ежегодно перерабатывающий 150—200 тысяч оленевых шкур. Кирпичный завод снабжает своей продукцией многие селения Печоры.

Почти на 400 километров раскинулось по реке хозяйство Усть-Цилемского рыбного завода. На всем этом огромном пространстве тянутся тони и станы печорских рыбаков. Тони обслуживаются катерами и моторными лодками.

В семи километрах от Усть-Цильмы, недалеко от Полярного круга, работает Печорская опытная сельскохозяйственная станция. Она способствует продвижению сортового зерноводства, овощей и кормовых трав в северные районы.

Работа опытной станции проводится в суровых условиях. Достаточно сказать, что средняя годовая температура составляет здесь $2,4^{\circ}$ ниже нуля. Самые поздние заморозки бывают в июне, а самые ранние уже в августе.

В конце прошлого века в Усть-Цильме жил студент Петербургского университета А. В. Журавский. Богатства края поразили его, и он стал горячо убеждать царских чиновников в огромных сельскохозяйственных возможностях Печоры. Он писал докладные записки, с трудом добился приема у крупного царского сановника, который, выслушав Журавского, ответил ему:

— О чем вы хлопочете, молодой человек? Ничего путного там рasti не может. Вы меня не убеждайте, что на таком севере возможно хлебопашество.

Однако Журавский не сдался. Оставив университет, он организовал на Печоре опытную станцию. В результате упорного труда русский ученый — ботаник и зоолог, исследователь Печорского края А. Журавский получил по тому времени неплохой урожай яровой пшеницы, овса, гречихи, гороха, моркови, капусты, тыквы и огурцов.

В НИЗОВЬЯХ ПЕЧОРЫ

Приняв реку Цильму, северная красавица Печора делает еще один поворот и снова устремляется на север, словно торопится достигнуть Баренцева моря. Отсюда начинается нижнее течение Печоры, до устья которой остается еще 336 километров.

Усть-Цильма, да и вся Печора,— неисчерпаемый родник народного эпоса. Здесь собрано много песен, сказок, былин. Северные деревни богаты певцами и музыкантами.

На пароходе ехали на Север комсомольцы — веселый боевой народ. Среди пассажиров оказались и местные девушки. Они сразу же под сопровождение баяна запели протяжную и красивую старинную песню, которой было, верно, столько же лет, сколько всем им вместе.

Над Печорой лилась песня. Она то вдруг вздымалась высоко, и чувствовалась в ней мощь необыкновенная, то затихала, и тогда были слышны лишь задумчивые переборы баяна. Далекие берега вторили песне запоздалым эхом.

И вдруг парень в голубой майке, подчеркивавшей загар на его руках и плечах, запел:

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»

Баян широко вздохнул, засился бурно, весело, вмиг раздвинул круг людей, вытолкнул на середину одного, потом другого, третьего, и такая пошла пляска, что капитан не удержался и крикнул со своего мостика:

— Эх! Ну-ка, ну-ка!

Баян захлебывался в переборах. Дробь каблуков, лихие девичьи вскрики, задорные припевки, смех — все слилось в едином взрыве веселья. Потом усталые юноши и девушки вновь запели северную старинную песню, привольно разливавшуюся над рекой. И казалось, впервые слушают ее эти леса.

После полуночи над Печорой опускаются сумерки белых северных ночей. На реке играют золотистые блики, и кажется, что их мерцающий свет насквозь пронизывает плывущие по реке плоты. Печора в полном разливе, по ней с шумом катятся одна за другой тяжелые вспененные волны от парохода. Навстречу идут другие пароходы и самоходные баржи. Они гулко откликаются на наш гудок.

Нижнюю Печору часто называют Северной Волгой. Она действительно не уступает по ширине Волге. Правый берег — возвышенный, левый — низкий, с кустарниковыми зарослями и сенокосными угодьями, которых насчитывается здесь свыше 300 тысяч гектаров. Луга такие же хорошие, как и по средней Печоре. В районе развито молочное хозяйство.

Пароход минует несколько селений и подходит к пристани Росвинское. Пристань выстроена на правом берегу, по незримой черте Полярного круга. Вдоль реки тянется широкая пойменная терраса со многими старницами и озерками. Бесчисленные острова, часто меняющие свое положение, покрыты непроходимыми зарослями ивы с примесью кустов красной и черной смородины или лугами с густым и высоким травостоем.

На севере Печорского края, особенно на его крайнем северо-востоке, сильно развита вечная мерзлота. Здесь граница вечной мерзлоты опускается к югу дальше, чем во всех других районах европейского Севера. На нижней Печоре крайним южным пунктом ее распространения является село Росвинское, находящееся под 66,5 градуса северной широты, а на востоке мерзлота заходит в бассейн реки Усы. В Воркуте вечная мерзлота залегает часто сразу же под моховым покровом, достигая глубины 45—100 и более метров.

Слева остается деревня Леждуга. Это последняя деревня на территории Коми АССР. Дальше начинается Ненецкий национальный округ.

Вековую тайгу сменяет тундра, а белок — песцы. Граница тундры приблизительно совпадает с Полярным кругом. Но вблизи Печоры она приобретает ярко выраженный характер только ниже устья реки Шапкиной.

Несмотря на безветрие, вся поверхность реки кипит мелкой дрожащей зыбью, в которой дробятся солнечные лучи. Только на отмелях вода спокойно синеет среди этой блестящей ряби. Под винтом парохода клокочет вода, выбрасывая сердитые бугры белой пены. За коромыслом волны, все шире расходясь по реке, набегают на берег, колеблют кусты ивняка и, с шумным плеском разбившись об откос, бегут назад, обнажая мокрую песчаную отмель. Резкие запахи лекарственных цветов и трав идут с тундры. С парохода виден хрупкий фарфор цветов вереска, красно-желтых иван-да-марья и богомола, бирюзовая россыпь незабудок, игольчатые кристаллы красных листков мха. Вот, вероятно, откуда люди Севера черпают красочное великолепие бисерных узоров на своих костюмах.

Тундры Печорского края богаты оленями пастищами. По величине поголовья печорское оленеводство занимает одно из ведущих мест в Европе. Травянистая и кустарниковая растительность тундры кормит оленей летом. Лишайниковые тундры годны для зимнего выпаса. Лишайники, наиболее ценные для оленеводства растения, чаще всего встречаются на плоских приморских участках среди моховых тундр.

На 202 километре от устья в Печору впадает левобережный приток — река Сула. Исток ее находится вблизи каменноугольной гряды Чайсама камня, крайней

восточной цепи Тиманского хребта. Протянувшись на 380 километров, Сула занимает площадь бассейна в 11 187 квадратных километров. Лес сосредоточен преимущественно в верховьях реки. В Печору Сула впадает тремя рукавами: Сульским, Харьятским и Захребетным шарами. Из них самый большой Сульский, или Северный Шар, впадающий в Печору неподалеку от села Великовисочного, славящегося крупным оленеводческим колхозом. Великовисочное — это ворота в широкую дельту Печоры и к морю. Река покрыта здесь множеством больших и малых островов. Берега такие плоские, что в сумерках их совсем не видно.

Правый, возвышенный берег Печоры еще кое-как сдерживает огромную массу воды, текущую по неглубокой долине. Левый же берег во время высокой воды превращается в широкое море, простирающееся порой до самого горизонта. За селом Климовкой расположилась пристань поселка Новый бор, в котором размещается заполярный животноводческий совхоз.

Дальше пароход тронулся на рассвете, когда утренний туман еще курился над стынущей водой реки. Солнце где-то вверху, оно бьет своим горячим крылом, и туман уходит, жмется к берегам. Днем наступила необычная для здешних мест жара. Термометр в тени показывал 30 градусов. В сводках погоды Воркута и Нарьян-Мар упоминались в одном ряду с Ашхабадом, Баку и другими южными городами Советского Союза. Но так бывает далеко не всегда. Часто из тундры внезапно налетает холодный северный ветер. Он пенит воду и поднимает на отмелях тучи песка, такая черная буря валит человека с ног.

Еще при Иване Грозном низовья Печоры приняли многих русских переселенцев. Позже сюда ссылали опальных бояр. В Пустозерске находился в ссылке известный боярин Артамон Матвеев. 12 лет на Печоре прожил ссыльный князь Василий Голицын. Он привел лошадей со своего конного завода из-под Москвы и, слuchив их с мезенскими лошадьми, вывел совершенно новую породу. В Пустозерске укрывались и старообрядцы-раскольники. Здесь жили протопоп Аввакум, а также поп Лазарь и инок Епифаний, которые были сожжены на костре за то, что не приняли новой веры.

Весь бассейн Печоры насчитывает более тысячи озер, причем большая их часть расположена в тундровой полосе нижнего течения реки. Большеземельская тундра с не меньшим правом, чем Карелия, может называться страной голубых озер. Их здесь очень много — от маленьких, площадью с небольшой пруд, до обширных, в несколько десятков квадратных километров. Таковы Ващуткины озера, или «Пять янтарей», как зовут эту группу из пяти озер с коричневой, но удивительно прозрачной водой. На озера, расположенные кольцом примерно на 62-м меридиане, собирается множество лебедей, гусей, уток и другой водоплавающей птицы. Славятся также озера Падымей-ты, два озера Сяттей-ты и озеро Харбей-ты. Это большие глубокие озера с красивыми берегами, множеством заливов и островов. Опасно в непогоду на середине такого озера — волны стремятся опрокинуть лодку и отправить на дно смельчака.

У местных жителей существует легенда об озере Харбей-ты: «В средине зимы вода в озерах «умирает», делается желтой. Рыба «не ходит» и не ловится. Только на озере Харбей-ты вода не умирает. Озеро «дышит». Оно через «пуповину» имеет связь с морем. Во время морского отлива вода в Харбей-ты крутится и улыбается. Горе тому, кто попадет в это время к пуповине. Его закрутит и затянет на дно, а потом выбросит на берег моря».

Необходимо также упомянуть озеро Косьминское, из которого вытекает река Косьма — приток Цильмы. Наиболее крупное в Коми АССР Ямо-озеро, расположенное в 120 километрах от Цильмы, дает начало живописной реке Пижме. Это озеро славится своими рыбными богатствами.

В бассейне средней и нижней Печоры и в Большеземельской тундре ежегодно в среднем выпадет осадков: на севере — всего 250 мм, на юге — до 450 мм. И тем не менее вследствие ничтожного испарения и глинистой почвы здесь множество болот и почва отличается высокой влажностью.

Чем ближе к морю, тем медленнее течет Печора, как бы устав от долгого блуждания по долине. Обширная дельта достигает 45 километров ширины, постепенно она переходит в Печорскую губу. Самый крупный рукав — Большая Печора — служит единственным проходом

дом для речных и морских судов. Другой рукав — Малая Печора — идет у левого берега. Здесь в устье реки приютилась деревня Андех. При самом входе в залив Печора образует мелководный бар — наносную мель. Крайней речной пристанью на Печоре является окружной город Нарьян-Мар.

Первые письменные сведения о морских плаваниях на Печору относятся к XVI—XVII столетиям. Однако далеко до этого времени русские мореходы и живущие в нижнем течении Печоры народности Крайнего Севера бесстрашно на небольших углых судах ходили далеко в открытое море и занимались там зверобойным промыслом. В 1556 году Московская торговая компания снарядила специальную экспедицию для поисков устья Оби с целью плавания в Китай. Начальник этой экспедиции английский капитан Барроу сообщал о встрече в Кольской губе с русскими мореходами, которые собирались идти к реке Печоре на ловлю моржей и лосося.

Во время работы Великой Северной экспедиции в устье Печоры зимовали отряды лейтенантов Муравьева, Павлова и Малыгина. Лейтенант Малыгин в 1735—1736 годах впервые описал берега реки. Устье Печоры он считал непригодным для захода морских кораблей. Даже выдающийся русский мореплаватель адмирал Литке ошибочно полагал невозможным вывозить корабельный лес через устье Печоры морем в Архангельск. К этому мнению спустя некоторое время присоединился и адмирал Крузенштерн. Он также утверждал, что путь для торговли через устье Печоры из-за льдов «непрходим». Только в 1860 году на Печору пришел первый океанский пароход, снаряженный по инициативе купца В. Н. Латкина. А уже через два года, в 1862 году, Печора была избрана исходным пунктом экспедиции Крузенштерна на «Ермаке», снаряженной для того, чтобы проложить морской путь к устьям сибирских рек. Инициатором этой экспедиции опять был М. К. Сидоров. Так начались плавания морских судов в устье Печоры.

И все же по-настоящему судоходство на Печоре и связь этого северного края с «внешним миром» посредством морского сообщения получили надлежащее развитие только при Советской власти.

НАРЬЯН-МАР

В суровых широтах, за невидимой нитью Полярного круга, раскинулась Ненецкая земля, побережье которой омывается водами трех морей: Белого, Баренцева и Карского. Первое летописное упоминание о ненцах относится к концу XI в. Летопись сообщает о торговле новгородцев, продававших «самояди» железо. С конца XV в. ненцы стали данниками Московского государства.

Теперь там, где Печора делает крутой изгиб, образуя Городецкий Шар, раскинулся город Нарьян-Мар, что значит по-ненецки «Красный город». Это административный центр Ненецкого национального округа, занимающего 174,3 тысячи квадратных километров, что больше многих европейских государств. Печора рассекает Ненецкий округ на две неравные части.

Безуспешные попытки строительства города-порта в устье Печоры предпринимались еще в середине прошлого столетия. В те времена проживавший в Архангельске вологодский мещанин Александр Деньгин выдвинул проект постройки порта для использования богатств ненецких тундр. Ссылаясь на то, что низовья Печоры 270 дней в году закованы во льды, архангельский губернатор запретил этому беспокойному человеку даже появляться в присутственных местах Архангельска. А ныне в Нарьян-Маре создан один из крупных транзитных портов вблизи трассы Северного морского пути. Нарьян-Мар является одной из основных баз экспедиций на север, в частности он служил основной базой для перелета в 1937 году экспедиции И. Д. Папанина на Северный полюс.

Ежегодно в порт приходят десятки океанских судов за высококачественным печорским лесом. Морской порт пестреет английскими, французскими, норвежскими, греческими и другими флагами. На причалах работают автолесовозы, подвозя к погрузочным стрелам золотисто-желтые пакеты звонких сосновых досок. На пирсах лежат горы каменного угля. Мощные порталные краны подняли свои изогнутые шеи. Звучат понятные морякам и грузчикам всего мира возгласы: «Майна!», «Вира!» В тундру идут невода, машины, товары широкого потребления, книги, из Нарьян-Мара отправляют лес, уголь, флюорит, замшу, пушнину, дичь.

Мы бродим по городу и смотрим на все восхищенными глазами. Нарьян-Мар большой город для тундры. Проходя по асфальтированной улице Хатанзейского, мы вспоминаем ненца Григория Васильевича Хатанзейского. Во время гражданской войны он был одним из организаторов забастовки на лесопильном заводе «Стелла Полярес». Позднее англо-американские захватчики расстреляли Г. Хатанзейского вместе с другими революционерами на «Острове смерти» — Мудьюге.

Знакомясь с городом, мы видим каменные здания Дома Советов, Дома специалистов, Главного почтамта. По улицам мчатся тяжелые грузовики, легковые автомашины, с треском проносятся мотоциклы. И вдруг откуда-то из-за угла выскакивает оленья упряжка. Олени уже привыкли к городскому движению и спокойно относятся к своим моторизованным конкурентам, не шарахаются от них в сторону. В городе есть школы, оленеводческая станция, кино, драматический театр, школьный интернат, дом культуры, библиотеки. Вокруг города расположились лесопильный, кожевенный и кирпичный заводы. Все это наглядно свидетельствует о том, что Советская власть принесла сюда, на далекий Север, и свет, и культуру, и подлинное равноправие людям всех национальностей.

Если бы 25 лет тому назад сказали, что Нарьян-Мар будет иметь свои овощи, это приняли бы за шутку. Ведь река Индига находится на одних широтах с рекой Юкон, так красочно описанной Джеком Лондоном, и на тех же широтах, что и ледяные пустыни Гренландии. И все же местные овощи входят в питание ненецких колхозников и горожан наравне с олениной, молоком и рыбой. Свыше 20 овощных культур возделывают теперь артели округа на своих землях. Большая заслуга в этом принадлежит Нарьян-Марской сельскохозяйственной опытной станции. Она получает с гектара 34 центнера картофеля, 245 центнеров капусты, 385 центнеров брюквы, 300 центнеров турнепса, 160 центнеров моркови, 366 центнеров репчатого лука. Свои успехи в борьбе за продвижение огородных культур на Крайний Север Нарьян-Марская сельскохозяйственная станция три года подряд демонстрировала на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Ненцы всегда старались объехать подальше реку Хальмер-Ю. «Долиной смерти» называли они безлюдный край, примыкающий к хребтам Полярного Урала. Здесь не рос даже ягель, нечем было кормить оленей, почти не встречались птицы и пушные звери. И зимой и летом тут хозяйствует холодный, пронизывающий ветер. Среднегодовая температура воздуха равна — 7°С. Тундра 250 дней в году покрыта снежным покровом. Недра земли скованы вечной мерзлотой на глубину 150 метров.

«Долина смерти» навевала на людей ужас. Так было веками. И вот летом 1941 года инженер-геолог Н. В. Шмелев установил, что в Хальмер-Ю лежат мощные пласты углей самых лучших марок, необходимых в металлургии. Теперь «Долина смерти» превратилась в «Долину кипучей жизни».

В поселке Хальмер-Ю, расположеннном в 65 километрах от Воркуты, заканчивается Печорская железная дорога. Издалека видны очертания копра. Здесь построена и вошла в строй первая на территории ненецкого округа крупная угольная шахта № 1 «Хальмер-Ю». Это первое промышленное здание на Печоре, расположенное на 68-й параллели, за Полярным кругом. Шахта ежегодно дает для Череповецкого металлургического комбината 600 тысяч тонн коксующегося угля. Она оснащена высокопроизводительными машинами и оборудованием. Откатка всех грузов, начиная от околосвольных дворов и до забоев, производится электровозами. Горные выработки освещены люминесцентными лампами. Поверхность шахты закрыта и приспособлена для работы в условиях суровой зимы Заполярья.

В рабочем поселке построено 18 тысяч квадратных метров жилой площади, школа на 440 учащихся, столовая, баня, детские ясли, два магазина, аптека, больница на 50 коек. Там проведены центральное отопление, водопровод и канализация, электрическое освещение. Рабочий поселок связан с шахтой автомобильной дорогой, и рабочие ездят на шахту в автобусах.

Живописная река Кара берет начало в горах Полярного Урала, безлесные хребты которого при незаходящем летнем солнце напоминают груды драгоценных камней. Местные жители называют эти хребты «короной батюшки Урала». Протекая мимо поселка Хальмер-Ю,

Кара струится между скалистых берегов, сложенных из разноцветного мрамора. Река то вспенивает свои воды о выступы скал, то отстаивает их в заводях до кристальной прозрачности. В заболоченных заводях Кары растут бирюзовые незабудки и, будто выточенные из мрамора, кувшинки. Тут и там высится голубые с синими прожилками мраморные скалы, придавая реке особую дикую прелесть.

В реке много тальмы — рыбы из породы лососевых. На блесну ее можно натаскать за день килограммов 300. Раздолье здесь и для охотников. Это край непуганых птиц — уток, гагар, крохалей. Нередко, плывя по реке, можно видеть, как за лодкой устремляется утная стая, с интересом наблюдая необычное явление. В камышовых зарослях много зайцев-беляков.

В средней части течения Кара пробирается среди горных отрогов древней горной гряды Пай-Хой. Здесь когда-то высился горный хребет, но сейчас от него сохранились лишь отдельные невысокие сопки, представляющие собой хаотическое нагромождение разрушенных пород.

Оживает теперь «Долина смерти». Скоро само название «Хальмер-Ю» исчезнет и с географической карты и из памяти людей. Горняки ходатайствуют о переименовании поселка.

СЕВЕРНАЯ МАГИСТРАЛЬ

Мы покидали Печорский край. Скорый поезд «Воркута — Москва» мчал нас по Печорской магистрали.

Замечательна история этой самой северной железнодорожной линии в СССР. Особенно трудная часть дороги — северная, от Кожвы до Воркуты. Она строилась уже в дни Великой Отечественной войны. При постройке этого участка специалисты столкнулись с очень сложными техническими задачами. Ведь одна пятая часть проходит по глубоким болотам в зоне вечной мерзлоты, одна треть лежит за Полярным кругом. И все же линия эта была построена в рекордный срок — в 180 дней. Ежедневно сдавали почти по два километра готового пути. Таких темпов не знали даже при строительстве Турксиба, Средне-Сибирской и других железных дорог.

Наиболее трудным при строительстве Северо-Печорской дороги оказалось сооружение переправ через могучие северные реки: Двину, Вычегду, Печору, Усу. Вначале устраивались временные переправы, потом строили мосты с деревянными устями и фермами. Лишь впоследствии их заменили красивыми и прочными железобетонными мостами. В июне 1942 года на линии Котлас — Воркута, через болота, тайгу и тундру на расстоянии 1953 километров было открыто сквозное движение по самой северной в стране железной дороге.

Во время войны враг пытался взорвать великолепный железнодорожный мост через Печору, оборвать поток угля в осажденный Ленинград. Утром 8 июня 1943 года рабочие совхоза «Кедровый шар» обнаружили вражеских парашютистов. Они немедленно дали знать в милицию, и тринадцать диверсантов без сопротивления сдались. У диверсантов оказались взрывчатка и походные радиостанции. Все они были снабжены фальшивыми советскими документами. Однако черный замысел врага рухнул. По-прежнему бесперебойно из Воркуты шли эшелоны угля, из Ухты — нефть, из Вожа-Ели — лес.

Наш поезд бежит все дальше на юго-запад. Позади осталась необозримая холмистая равнина. Вместо гогота гусей и жалобного крика гагар в небе рокочет вертолет, далеко над тундрой разносится гудок паровоза. У каждой маленькой таежной станции мы видим чудесные изменения, созданные в этом крае руками советских людей.

На станции Сейда и поныне живет и здравствует Виктор Яковлевич Попов, первооткрыватель воркутинских углей. Сейчас В. Я. Попову идет уже восьмой десяток. До сих пор живы в памяти старого охотника волнение и радость, охватившие его, когда он в своих руках держал поблескивающие куски угля.

Еще год-два назад никто и не подозревал о наличии угольных пластов близ железнодорожных станций Сейда и Сивая Мaska. Теперь здесь обнаружены выходящие близко к поверхности огромные угольные поля. Толщина пластов достигает 8—10 метров.

На картах рельсовая нить обрывается у кружочка с надписью «Воркута». На самом же деле она идет дальше, к Оби, и не от Воркуты, а от станции Сейда.

Центр угольного месторождения — в поясе рельсовых нитей. От этого пояса отходят многочисленные ответвления подъездных путей к шахтам. Железнодорожная сеть тундры сейчас насчитывает более четырехсот километров основных линий. Она обстроилась десятками станций.

В алых всплесках рассвета позади остается Сейда. Гудки локомотивов, сирены мотовозов, скороговорка вагонных колес сливаются в одну нестройную мелодию. В трудных условиях приходится работать железнодорожникам, особенно зимой, когда на магистрали свирепствуют бураны и выюги, а морозы в некоторые дни достигают 50 градусов. Проводник рассказал нам о том, как однажды над тундрой поднялся сильный снежный буран. На одном из самых северных участков Печорской железной дороги — перегоне Янью-Вылью замело пути, во время метели нарушилась связь — от мороза и ветра лопнул провод. На ликвидацию повреждения были направлены связисты. Поздно ночью по колено в снегу, под обжигающим ледяным ветром они быстро восстановили связь.

В южные районы Печорского края раньше проникали через водоразделы бассейнов Северной Двины и Волги с бассейном Печоры. Другой волок связывал верховья Печоры с Камой. В северные районы пробирались только морем из Архангельска. А теперь мы сидим в спальном вагоне скорого поезда «Воркута — Москва» и думаем, каким же долгим и трудным был древний путь на далекую Печору.

Безбрежная тундра кончается у станции Абезь. Эта крупная железнодорожная станция расположена почти на линии Полярного круга. На южную половину неба лег розовый сумрак, и в нем первый раз за все лето мы увидели звезду. Одинокая предвестница темноты, она казалась нам прекрасной в этом светлом крае. Посияв несмело, звезда стала бледнеть и растаяла в лазури.

Дальше поезд идет лесотундрой, в полосе которой вырос крупный горняцкий город Инта. Он находится в 12 километрах от станции железной дороги, на левом берегу извилистой реки Инты, у северной оконечности Уральского хребта. Отсюда всего лишь 50 километров до Полярного круга. Еще совсем недавно здесь было глухое безлюдное место: низкорослые леса, топкие бо-

лота, вот и все. Редкое население жило охотой на берегах ручья Черного, и охотники всегда возвращались с богатой добычей. Первые известия о наличии углей в районе реки Инты были получены от Сорвачева — жителя деревни Петрунь. В 1940 году сюда приехали строители. Люди боролись с пургой, мороз обжигал их лица. Здесь велась битва с суровым Севером. Битва эта закончилась рождением шахты. Через три года из Инты вышел первый эшелон с углем.

Запасы этого месторождения исчисляются в 800 миллионов тонн энергетических углей. Угольные пласты залегают непрерывно на десятки километров. Угли Интинского месторождения относятся к длиннопламенным. Они не спекаются, но являются хорошим топливом для электростанций и котельных установок. Интересно, что в шахтах Инты найдены древнейшие наземные позвоночные, жившие около 200 миллионов лет тому назад.

Теперь вокруг города высится копры шахт. Работает турбинная электростанция. Построен ремонтно-механический завод. В Инте впервые в СССР работает кирпичный завод, на котором сырьем для производства кирпича служит шахтная порода. При этом обжиг кирпича происходит на топливе, включенном в самую породу.

Вдоль главной Кировской улицы выстроились двухэтажные дома. В городе открыт театр, есть клуб, стадион, Дворец физкультуры с водным бассейном, средняя школа, библиотека. Здесь коллектив «Мосфильма» впервые показал кинокартину о шахтерах севера «Случай на шахте № 8».

Молочно-овощной совхоз «Большая Инта» — один из крупнейших в Коми АССР. Фермы и отделения этого совхоза расположены у самого Полярного круга. Круглый год в теплицах совхоза растут зеленый лук, огурцы, редис. В оранжерее совхоза зимой цветут ландыши и левкои. На встрече Нового года, когда вокруг свирепствует пурга и трещит лютый мороз, букеты душистых цветов украшают столы интинских горожан.

В цветочном отделении выращивается восточная туйя, бананы, новозеландский лен, кактусы и другие южные растения. Многие построили и свои теплицы. На шахте № 9 есть ботанический сад, в котором создан зеленый уголок с тропическими растениями. В этом уголке мы видим и растение чудесной Индии — канну с пышными,

немного мрачными листьями и ослепительно яркими цветами и довольно крупные лимонные деревья. Поднялись ввысь пятилетние туи, так называемое «дерево жизни». Растут и кипарисы, ананасы, кринум — красивое растение, родиной которого является Южная Африка. Есть здесь и пальмы австралийские и пальмы бразильские.

Понятно, какое впечатление производит этот тропический уголок в сравнении с местными растениями: береской, рябиной, ивой прибрежной, ольхой, черемухой, елью. А на водораздельных землях мхи и лишайники составляют основу растительного покрова, и значительная их площадь используется как пастбище для оленей. Пастбищные угодья состоят также из злакового разнотравья — лисохвостки, канареекника, мяты, вейника, осоки.

Весна здесь поздняя. С Карского моря сюда нередко проникают холодные воздушные массы и задерживают ее наступление. Поэтому и лето здесь короткое, не более трех месяцев — с июня по август. Средняя температура лета не превышает 12 градусов тепла. Но вот зима в районе совхоза продолжительная и очень холодная.

В переходной лесотундровой зоне много озер и болот. Они повышают влажность воздуха в теплый период года, поэтому многие ошибочно считают, что в подобных местах растения не могут испытывать недостатка во влаге. В действительности это не так. Бывают такие периоды, когда растения серьезно страдают от засухи. Причина такого явления весьма проста. Здесь почти не прекращаются ветры, и в теплую сухую погоду почва очень быстро иссушается на довольно большую глубину. И все же, несмотря на трудные условия, располагающий мощной техникой совхоз добился больших успехов. За высокие показатели по животноводству в 1955 году ему присужден диплом II степени Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Участники выставки награждены медалями.

Мы едем дальше. Откосы Печорской железной дороги заросли иван-чаем. Его глубокие корни хорошо укрепляют берега, насыпи, полевые канавы, овраги. Поезд углубляется в лесные массивы, которые еще недавно считались непроходимыми. Об этом красноречиво

говорит и название станции — «Глушь». Вдоль стальной нитки Печорской железной дороги раскинулись новые поселки из свежерубленных деревянных домов. Повсюду видны лесопильные, шпалорезные и кирпичные заводы, ремонтно-механические мастерские, электростанции, железнодорожные депо.

В памяти невольно возникает не столь уж далекое прошлое, связанное со строительством Кожвинского леспромхоза. В 1931 году новоселы добирались сюда целый месяц. Труден был этот путь: до Архангельска по железной дороге, затем водой по Северной Двине, Белому морю, а потом сто пятьдесят километров пешком по бурелому, вдоль речушки, с пожитками на спине. По следам строителей лесных предприятий пришли железнодорожники. Кто-то из них и окрестил новую крохотную станцию на строящейся Печорской магистрали безрадостным именем «Глушь».

В те дни люди не знали здесь ни электричества, ни радио. Новоселы не раз коротали вечера под треск луchinного таганца. На лесных делянках стучал топор, тихо повизгивала «поперечка», перекочевавшая в нашу эпоху из старых времен, как и конь, неторопливо таскавший бревна к берегам реки. Поперечка и топор давно уступили место современной технике. Кожвинский леспромхоз имеет теперь лесовозы, в том числе мощные «Маз-200». На трелевке заняты тракторы «КТ-12» и «С-80». В леспромхозе — бульдозеры, лебедки, передвижные электростанции, локомобили, автокраны, электрические и бензиновые пилы и другая самая современная техника.

Поселок Каджером раскинулся в двух километрах от железной дороги, у берега небольшой речушки. Это на редкость удачное место. Дома расположились на песчаной возвышенности среди соснового бора. Сосны и песок невольно напоминают дачное Подмосковье. В облике главной улицы поселка выражена характерная особенность здешних мест: раздолье и простор. Широкой прямой лентой улица разрезает поселок на две части. И только табличка на станционном здании напоминает, что четверть века назад здесь были непроходимые дебри, глушь.

Мы приближаемся к станции Ира-Иоль. Проводница рассказала нам легенду, в которую как будто и сама

верила. Названа станция была якобы в память двух сестер, Иры и Оли, строивших эту дорогу и заблудившихся в лесных топях. Люди искали их целую неделю и все время кричали: «Ира, Оля!» В ответ ничего, кроме лесного эха — «ира — иоль!» Девушек так и не нашли, а строившуюся станцию назвали «Ира-Иоль».

НЕДАЛЕКОЕ БУДУЩЕЕ ПЕЧОРСКОГО КРАЯ

Поезд минует живописные берега Печоры, соединенные стальными фермами железнодорожного моста у города Печоры. С моста открываются бескрайние дали.

Мы вглядываемся в эту даль, и перед нами мысленно возникают контуры будущего канала, плотины. Настанет время, когда воды Печоры и Вычегды сольются с камскими. Здесь все вокруг так пропитано этой мечтой, что нам кажется, будто мы уже плывем из Печоры в Вычегду, а оттуда в Волгу над затопленной тайгой и ее зеленые кроны просвечивают сквозь воду. Конечно, никакой тайги на дне гигантского водохранилища не останется. Лес будет вырублен, разделан и вывезен. Гордо покачиваясь на волнах, морские корабли поплынут в Белое море, а оттуда можно будет объехать весь мир.

Испокон веков многие наши реки устремляются в Северный Ледовитый океан, и вдруг Печора, великая северная река, повернет вспять и потечет на юг. Решение этой проблемы — дело государственной важности, имеющее огромное значение для развития всего народного хозяйства нашей Родины.

Идея соединения Печоры и Вычегды с Волгой возникла давно, еще в 1908 году. Тогда было предложено несколько вариантов. В советские годы исследователи и проектировщики продолжали работать над этой проблемой. И вот теперь в Гидропроекте сделаны наметки, в которых доказана целесообразность переброски стока северных рек в Каму и Волгу.

На Печоре близ селения Усть-Вои предполагается построить плотину длиной в 12,5 километра, высотой до 80 метров. Здесь образуется водохранилище, которое захватит весь сток верхнего участка реки. На Вычегде в районе селения Усть-Кулома тоже намечено возвести

плотину и образовать еще одно водохранилище. Одновременно должен быть сооружен Верхне-Камский гидроузел со своим водохранилищем. Затем все три водохранилища соединятся между собой каналами. Так возникнет Камско-Вычегодско-Печорское водохранилище и станет возможным весь сток воды направить в Волгу и Каспий.

Ученые и инженеры подсчитали, что таким путем можно будет перебрасывать в год около 40 миллиардов кубических метров воды. Для сравнения скажем, что Дон сбрасывает в море за год примерно 25 миллиардов кубических метров. Переброска северной воды на юг позволит увеличить выработку электроэнергии всего Волжско-Камского каскада. При этом себестоимость одного киловатт-часа электроэнергии составит 1,5—1,8 копейки, а себестоимость киловатт-часа, выработанного на северных гидростанциях и переданного на юг, будет равна 3,3 копейки. Важно и то, что энергия волжских и камских ГЭС поступит в сложившиеся энергосистемы и пойдет прежде всего на действующие промышленные предприятия.

Кроме того, переброска стока Печоры и Вычегды на юг позволит стабилизировать уровень Каспийского моря. Это тоже большой вопрос, имеющий исключительное народнохозяйственное значение. Дело в том, что с 1929—1930 годов приток воды в Каспийское море заметно уменьшился. Оно недополучило примерно 900 кубических километров. Уровень Каспия снизился на 2,5 метра, что пагубно отражается как на развитии рыбного хозяйства, так и на судоходстве. Воды же Печоры и Вычегды, направленные на юг, приостановят обмеление Каспийского моря.

Само собой разумеется, что переброска части стока Печоры и Вычегды на юг отразится на водном режиме в низовьях этих рек. Чтобы и в дальнейшем обеспечить там нормальное судоходство, проектируется построить на них гидроузлы с плотинами. Исключительно важное значение приобретет тогда строительство Усть-Ижемской ГЭС на Печоре. Эта ГЭС явится энергетической базой для развития народного хозяйства Севера и в первую очередь районов Коми АССР. В частности, тогда можно будет электрифицировать Печорскую железную дорогу.

Природные богатства Печорского края едва лишь приоткрыты. Впереди грандиозные перспективы его роста. Большие сдвиги в географии хозяйства Печоры произойдут в ближайшие 10—15 лет. Этому помогут перестройка руководства промышленностью и строительством, создание Совнархоза в Коми экономическом районе.

В шестой пятилетке здесь будет проведена разведка 30 новых шахтных полей. Геологам Печорского угольного бассейна предстоит пробурить около 1000 километров колонковых скважин. Это больше, чем было пробурено за все время существования бассейна. В 1960 году будет завершена геологическая съемка Печорского края. В 1965 году Печорский бассейн будет давать угля больше, чем добывалось во всей царской России накануне первой мировой войны.

Но надо позаботиться и о том, чтобы печорский уголь использовался правильно, в интересах растущего народного хозяйства страны. Крепость донецкого кокса и чистота кузнецкого — это и есть печорский уголь. На печорском угле могут работать металлургические заводы Урала. Поэтому для выхода коксующихся печенских углей более коротким путем к металлургии Урала, а энергетических углей для Северного морского флота особо актуальным становится строительство железной дороги Воркута — станция Полуночная и Воркута — порт Хабарово. Однако Печорская магистраль, как известно, идет почти в противоположном от Урала направлении. Печорская железная дорога, которая выйдет на Урал, и Камо-Печорский канал создадут новые возможности для развития края.

Новые планы зреют и у нефтяников. Стальные буры пробурят скважины на нефть и газ в Тимано-Печорской газонефтесной провинции. Нефтяники планируют постройку газопровода в направлении на Свердловск, который будет передавать туда 5 миллионов кубометров газа в год. Чтобы дать столько тепловой энергии, надо построить столько шахт, сколько действует их сейчас в Воркуте.

Ухтинцы уже обсудили перспективный план развития района, уделив особое внимание комплексному использованию сырья, развитию строительной базы и промышленности строительных материалов.

Добыча легкой нефти к 1965 году возрастет в два с половиной раза, газа — в пять раз и почти в пять раз — выпуск продукции сажевых заводов. В ближайшие десять-пятнадцать лет добыча и производство газа в стране увеличится в 13—15 раз. В этом росте немалое место отводится Ухте.

Газ идет не только на смену углю. Этот чудесный дар Земли быстро завоевывает все новые позиции и в промышленности. Например, азотные удобрения из газа вдвое дешевле, чем из угля. Большую экономию дает использование газа для производства искусственного каучука и волокна, пластмасс и жидкого топлива. Газ заменяет картофель и зерно в производстве технического спирта. Для того чтобы вскипятить один литр воды, нужно сжечь на десять копеек дров, на шесть копеек керосина, а газа — меньше чем на одну копейку. Все это показывает, как важен для страны труд ухтинцев.

Возникают и другие проблемы: организация переработки леса на месте, вместо того чтобы вывозить его за пределы республики и ввозить обратно продукцию его переработки. До сих пор в лесосеках оседают миллионы кубометров древесины. Вырубается лишь хлыст, пригодный для трелевки и сплава. А лесохимия здесь почти забыта.

«Лесная жемчужина» Печора станет центром лесной индустрии Севера. Крупнейшие лесоперерабатывающие предприятия будут выпускать миллионы кубометров переработанных лесных материалов, сотни тысяч тонн картона, миллионы декалитров спирта, десятки тысяч тонн древесно-волокнистых плит и другой продукции. В Княж-Погoste вырастет целлюлозно-бумажный комбинат. Сейчас прокладывается колея железной дороги Микунь-Кослан, которая прорежет лесной массив с запасом древесины в десятки миллионов кубометров. Уже в 1960 году капиталовложения увеличатся по сравнению с 1957 годом в полтора раза.

Лес — не только строительный материал и сырье для бумажной промышленности; отходы лесной и деревообделочной промышленности должны быть использованы также для производства химических продуктов.

Человеческий ум сделал много научных открытий. Взять хотя бы дела наших химиков — чудесное превращение дерева в бумагу, спирт, строительные плиты,

шелковые ткани. Из древесины можно изготавливать разнообразные материалы и вещи, необходимые для промышленности, домашнего и культурного обихода, причем делать не из цельного дерева, а из его отходов, сучьев, опилок, реек. Между тем, до сих пор в печорских лесах еще пылают костры лесорубов — горит древесина, сучья, которые остаются после разделки деревьев. Государство на этом теряет миллионы рублей.

Много вырастет новых домов в новых городах и поселках Печорского края. Наступило время отказаться от завоза с юга и центра РСФСР ряда строительных материалов, производство которых можно организовать на месте. Так, например, на базе Воркутинского цементного завода можно построить завод по производству кровельного шифера (асбофанеры), на базе Ухтинского гипсового завода — завод сухой штукатурки.

Мы сопоставляем с прошлым сегодняшнюю жизнь и промышленные стройки Печорского края, оглядываемся на мачты радио, на нефтяные буровые вышки, на новые поселки, и перед нами вырисовывается его прекрасное будущее. Невольно вспоминаешь слова академика И. М. Губкина, который писал:

«Тем, что этот отдаленный край не был забыт и в нем ключом забила трудовая жизнь, мы обязаны зоркому глазу Ильича, его инициативе и вниманию»¹.

Да, история новой Печоры началась в боевой 1918 год. Светлому гению В. И. Ленина обязана Печора своим вторым рождением.

¹ «Летопись Севера», Главсевморпуть, М.—Л., 1949, стр. 28.

10445.
1155

Печорская
ЦБС

О ГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Cmp.</i>
„Забытая река“	3
О чем говорила карта	7
В верховьях Печоры	12
Река Илыч	20
Лесные богатства	24
Троицко-Печорск	32
Речка Белой скалы	39
Река Шугор	40
Город Печора	44
„Золотая рыба“	46
Река Уса	50
Таежные клады	55
Заполярная кочегарка	59
Воркута	67
Обновленная земля	71
Река Ижма	75
Нефтяное богатство	78
Усть-Цильма	87
В низовьях Печоры	89
Нарьян-Мар	95
Северная магистраль	98
Недалекое будущее Печорского края	104

Николай Николаевич Макаров
НА БЕРЕГАХ ПЕЧОРЫ

Редактор Е. И. Вязов
Обложка художника М. С. Целютина
Художественный редактор С. С. Верховский
Технический редактор Э. Н. Виленская
Корректор З. Г. Гейзе

№ Т-11356 Сдано в производство 21/VII 58 г. Подписано в
печать 5/XI—58 г. Формат 84×108/32. Физических листов 3,5
Печатных листов 5,74 Издательских листов 5,65
Тираж 15 000 Цена 1 р. 70 к.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз

Набрано в Первой Образцовой типографии
имени А. А. Жданова Московского городского
Совнархоза
Москва, Ж-54, Валовая, 28

Отпечатано в тип. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46. Зак. 255.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Вышли в свет:

Е. А. Белецкий. Пик Ленина. 11 печ. лист., тираж 40 000 экз., цена 3 р. 65 к.

Книга рассказывает обо всех восхождениях альпинистов на высочайшую вершину Заалайского хребта — пик Ленина. Использованы личные впечатления автора, который участвовал в нескольких экспедициях в район пика Ленина и побывал на его вершине. Покорением пика Ленина увенчалась целая эпоха разгадки географических тайн труднодоступных высокогорий в центре Азии.

Книга рассчитана на самые широкие круги читателей, особенно молодежи, и рекомендуется всем альпинистам для расширения кругозора.

Ф. С. Мартинкевич. Минск. 4,92 печ. лист., тираж 15 000 экз., цена 1 р. 50 к.

Брошюра рассказывает об истории и современном облике столицы советской Белоруссии городе Минске.

Читатель узнает, как от года к году менялось лицо города, что представляет собой этот крупнейший в республике культурный, промышленный и транспортный центр. Автор раскрывает панораму широких прямых улиц и тенистых бульваров социалистического Минска, красивых ансамблей его новых зданий.

Брошюра рассчитана на широкие круги читателей, интересующихся географией нашей страны.

В. Привальский. Путеводитель по Узбекистану. 5,3 печ. лист., тираж 12 000 экз., цена 1 р. 65 к.

Маршруты, описываемые в путеводителе, проходят по главнейшим населенным пунктам, связанным железной дорогой или шоссе, удобным для автомобильного путешествия. Брошюра знакомит с историческими памятниками, природой, культурой, народным хозяйством республики и условиями путешествия по Узбекистану.

Путеводитель рассчитан на туристов, впервые приезжающих в Узбекистан.

И. П. Скородумова, Л. В. Семенова. Красноярский край. 3,69 печ. лист., тираж 25 000 экз., цена 1 р. 10 к.

В книге рассказывается о природных богатствах одного из интересных районов Советского Союза — Красноярского края, о его больших возможностях в деле дальнейшего подъема производительных сил нашей страны.

Рассчитана на широкий круг читателей.

Г. В. Корсунская. Курильская островная дуга. 11,4 печ. лист., тираж 10 000 экз., цена 5 р. 30 к.

Книга представляет собой первое детальное физико-географическое описание Курильской гряды. Автор — кандидат географических наук, побывала на всех крупных островах гряды и описала своеобразную, интересную природу островов, величавые курильские вулканы.

Работа иллюстрирована многочисленными оригинальными картами, схемами и фотоснимками. Она с пользой будет прочтена каждым, кто интересуется природой нашей страны.

В. П. Зенкович. Берега Черного и Азовского морей. 23,5 печ. лист., тираж 8000 экз., цена 10 р. 20 к.

Группа ученых под руководством автора долгие годы изучала берега Черного и Азовского морей. Исследования позволили решить в первом приближении многие практические и теоретические вопросы, которые в зарубежной литературе до настоящего времени не освещены: об образовании потоков морских наносов, о строении профиля прибрежного дна и другие. Решение этих вопросов важно для строителей морских сооружений и курортов, мореплавателей, ученых геологов. Книга представляет интерес и для широких кругов читателей.

Б. А. Маковский. Моря, созданные человеком. 6,97 печ. лист., тираж 22 000 экз., цена 2 руб.

О крупнейших гидросооружениях, созданных советским человеком, и о тех изменениях, которые они вызывают в природе и хозяйстве нашей страны, рассказывает эта книга.

Написанная простым языком, иллюстрированная наглядными схемами, диаграммами и фотоснимками, она будет не только с интересом прочтена самым широким кругом читателей, но и сможет служить полезным пособием для учащихся и особенно для агитаторов и пропагандистов.

Б. А. Шлямин. Берингово море. 4,92 печ. лист., тираж 25 000 экз., цена 1 р. 45 к.

Автор рассказывает о том, как русские землепроходцы, промышленники осваивали острова и побережья, а пересекая морскую гладь в различных направлениях, раскрывали жизнь моря. Прочитав книгу, читатель узнает о глубинах и морских течениях, об особенностях климата этого своеобразного северного моря, о его растительном и животном мире.

Брошюра иллюстрирована и с интересом будет прочтена читателями.

1 р. 70 к.

0-17

ГЕОГРАФИЗ · 1959 г.

44